

- - [Станем добре, станем со страхом, вонмем](#)
 - [1. Требования времени](#)
 - [2. Наша народная русская культура есть культура духа](#)
 - [3. Духовное пастырствование на почве русского народного духа](#)
 - [4. Отрицательные черты в наблюдаемой современной действительности](#)
 - [5. Глубокая вера и чувствительная совесть у народа, мятущаяся при недостатке пастырского руководства](#)
 - [6. Постепенность и жизненность пастырских начинаний](#)
 - [О богослужении](#)
 - [7. Проповедь Евангелия жизни](#)
 - [8. Содружество ревнителей веры и жизни по вере](#)
 - [9. Благодетельность](#)
 - [10. Народная школа](#)
 - [11. Библиотека, читальня и вообще о печатном слове](#)
 - [12. Борьба с пьянством](#)
 - [Общества трезвости](#)
 - [13. Народные богомоления и паломничества](#)
 - [14. Приходские праздники](#)
 - [15. Нынешний соблазн о видимости сектантского благочестия](#)
 - [16. Священник-миссионер](#)
 - [17. Различные обнаружения церковности в деревне и в городе](#)
 - [18. Евангелие Христово должно быть закваской всей жизни по нему](#)
 - [19. Оцерковление жизни во всех ее отправлениях](#)
 - [20. Благодатная почва для Евангелия в духе русского народа](#)
 - [21. Пастырские посещения домов прихожан](#)
 - [22. Научение обрядам и обычаям церковным](#)
 - [23. Тайна христианского благочестия — воодушевление пастыря Церкви](#)
 - [Святочное приветствие духовенству Пермской епархии](#)
 - [24. Заключение](#)
 - [Примечания](#)
 - [1](#)

Введение

Письма архиерея к иереям
Содержание

Станем добре, станем со страхом, вонмем

1. Требования времени

Смута первых годов настоящего столетия затронула всю русскую жизнь и действительность. Со всех сторон раздаются жалобы на вольнодумство в народе, упадок веры, на сектантское брожение, на упадок жизни и нравов, на развал семьи, на озорство и хулиганство, на вольность и дерзость молодежи. Но за последнее время подмечается всеми и другое явление — обратное: замечается пробуждение духовной жажды в народе, почему и храмы Божии уже начинают заполняться, с вниманием народ слушает проповедь пастырскую, охотно посещает религиозно-нравственные чтения. Этим пробуждением духовной жажды после минувшего освобождения в значительной степени объясняется и успех разного рода сектантства.

Таким положением дела и надлежит воспользоваться пастырям Церкви Христовой как можно усерднее, чтобы православный народ, не найдя от нас ответа на свои духовные вопросы, не ушел на страну далече — к разным лжеучителям. Принять нужно во внимание и весьма малую осведомленность народную, как в городах, так и в деревнях, с основными даже истинами христианского упования. Едва ли всякий сумеет толково рассказать — во что и как он верует. Нередко приходится видеть неисправность и внешнюю обрядовую. Многие не знают самых употребительных молитв, неправильно совершают крестное знамение и другие православные обычаи. Все это нужно принять строго во внимание, принять решительные меры и усердно заняться духовным просвещением паствы, направлением в церковное русло духовного народного пробуждения, а где нужно — борьбою с начавшимся вольномыслием, сектантством или развалом жизни.

По данному вопросу мною в 1910 году были изданы «Письма архиерея к иереям». Они встретили трогательное от многих сочувствие. Но от издания не осталось ни одного экземпляра, кроме имеющегося у меня на руках. Между тем наблюдения над жизнью дали и еще некоторый материал в том же направлении. Поэтому и нахожу благовременным перепечатать вышеуказанные «Письма архиерея к иереям», но дополненные новыми шестью первыми главами.

2. Наша народная русская культура есть культура духа

Нашему пастырскому попечению вверен Богом и от Бога церковной властью благочестивый по своей природе русский народ. Для всякого внимательного к народной жизни наблюдателя с несомненностью очевидна особенность народной русской культуры. Наша народная культура есть исключительно культура духа. Во всем укладе жизни, в обычаях, в душевных исканиях. В народном и даже литературном творчестве непременно есть искание нравственной ценности жизни, отношение к ней именно с этой стороны. Все прочее, чисто внешнее, имеет уже второстепенный и попутный смысл и значение, обусловливаемое нравственными основаниями, как это и должно быть всюду и всегда. Конечно, и культура нерусская, хотя и христианская, не пренебрегает нравственными вопросами, прилагая нравственные мерки и ко всей жизни. Но разница глубокая и существенная, разница в самом существе дела. Просто говоря: в европейско-американской культуре вопросы духа, предметы нравственного порядка имеют лишь частичное значение, занимая как бы один уголок в этой культуре, а следовательно, и в носителях ее. Всеохватывающего значения они там не имеют. Просто без таких вопросов пока нельзя обходиться. Как нельзя, например, культурному человеку принимать пищу всей пятерней, неудобно и одеваться не по-европейски, так нельзя пока обходиться и без вопросов чисто духовных, обходиться без всякой религии и морали. Это все-таки только лишь порядочность, приличие, но не смысл жизни, не высшая для нее ценность и обоснование ее самой.

Иное представляет культура чисто русская. Для нее и самая жизнь не имеет ценности без ценностей духа, без ценностей нравственных. Только с нравственной стороны расценивается и самая жизнь человека со всеми его поступками и намерениями. Не будет этих нравственных оснований — не будет смысла и в самых высоких и полезных делах человека. Поэтому русский человек, даже испытавший на себе воздействие и нерусской культуры, все-таки смотрит на жизнь как на приложение к делу жизни нравственных запросов духа. В самой жизни поэтому ищет подвига, как несомненного оправдания и для существования человека на земле. Даже отрицательные элементы общества русского в самое свое отрицание вкладывают смысл нравственный. Даже революционеры, добиваясь всевозможных поворотов жизни, стоят за правду жизни, мечтают о том, чтобы только эта правда и была в ней, чтобы при ее господстве воцарилось всеобщее счастье.

Тем более все это нужно сказать о народе простом. Как бы он ни был сер и подавлен житейской тяготой, простой русский человек имеет единственную заботу, чтобы все было по совести, чтобы спасти свою душу для вечной жизни. Духовный мир — самое главное для него. А все остальное есть только неизбежное по пути к главной цели, что никак нельзя обойти в тех условиях, в которых здесь на земле поставлен человек. Поэтому он так спокойно и относится к самой смерти: она для него не только неизбежное нечто, но даже и желанное, к чему нужно достойно подготовиться, чтобы в мире совести перейти в вечную жизнь, где не будет внешней, часто тягостной и грязной для души жизни, но будет одна жизнь духа. Это не погружение в небытие, как сон. Нет, начало новой и истинной жизни духа.

К этой-то жизни духа за гробом в вечности и готовится верующий русский человек. Для этого он готов на всякий труд и подвиг. Го — тов идти во всякую пустыню, перенести все трудное на пути, лишь бы только найти себе духовное утешение, ободрение и даже вразумление и строгое обличение. Вот объяснение и старинной народной любви к далеким и трудным паломничествам, к длительным и бодрым церковным служениям. За сим же он идет к старцам и пустынноикам, к строгим и учительным духовникам — как мудрым наставникам на жизнь и

целителям жизни. Никакая трудность не удержит тогда человека, если он узнает о такой возможности духовно утешиться и ободриться, не пожалеет тогда он ни средств, ни сил, ни времени.

Трогательно в этом отношении наблюдать жизнь переселенцев нашего края. Лишь только успеют обзавестись хозяйством на новом месте, а иногда даже и сами еще из землянок не вышли, как уже стараются о церкви или молитвенном доме, о том, чтобы иметь им и батюшку своего. Конечно, многие стараются все это получить от казны, тем более, что казна часто нерасчетливо балует переселенцев, и в дальнейшем в таких случаях всего ожидающих от казны. Но, пожалуй, более часты случаи, когда, не дожидаясь очереди от казны, стараются все на свои средства устроить, только бы была возможность духовно утешиться, когда душа потребует того. Нужно принять во внимание темноту нашего крестьянина, которому редко кто вовремя и как следует объяснит и укажет все нужное в таких хлопотах. Вот они и толкаются и стучатся туда-сюда, все перепутают, сами запутаются, годами ждут и надеются и, наконец, добиваются просимого и рады-радешеньки, когда поселок их украсится храмом, построенным на их трудовые сбережения, когда батюшка заведет у них службу Божию.

Все это говорит о том, что душа русского человека не может оставаться без утешения веры, без духовных нравственных переживаний, скрашивающих ее жизнь, влагающих не земной, а небесный смысл во всю жизнь, без чего не будет радости во всех хлопотах житейских, но с чем и все скорби и трудности жизни ничтожны.

Итак, наша народная русская культура есть культура духа, с каковой стороны расценивается и вся земная жизнь и деятельность человека. Она есть подвиг нравственный, как подготовка для высокой духовной жизни за гробом в Божием Царстве. Верую так по своим многоразличным наблюдениям над народами нашего мира, и что наш русский народ — единственный в этом отношении народ, и назначение которого от Бога в том, чтобы явить всем народам этот свой народный дух, сказать это свое слово всем и научить всех на жизнь смотреть со стороны ее нравственной ценности. В этом его провиденциальная миссия или назначение от Бога. Народ еврейский предназначен был от Бога на то, чтобы пронести через все испытания и сохранить для всех народов веру в Единого Истинного Бога, и он это сделал, передавши всему миру Божественное Откровение. Назначение же народа русского в том, чтобы изверившемуся и обезверившемуся современному христианскому миру, старательно воскрешающему древнюю языческую культуру «хлеба и зрелищ» в разных видах, — чтобы этому миру высоко являть культуру духа, научить на землю смотреть, как на мост к небу, в земной жизни и деятельности искать нравственного смысла, расценивать ее со стороны духовных ценностей.

3. Духовное пастырствование на почве русского народного духа

Все это представляет великолепную почву для нашей пастырской деятельности. Нужно бы только воспользоваться тем готовым и основанием, и материалом, что дает нам русская жизнь и действительность. Не нужно предварительно создавать подходящие для пастырской деятельности условия. Нужно лишь только воспользоваться тем, что уже дано и что само требует должного удовлетворения как цели самого пастырства.

Намерение Божие о священниках и о пастве таково. Священники должны быть посредниками между Богом и людьми в освящении их Божественной благодатью. Священство от Бога поставлено для того, чтобы освященные Кровью Христовой люди Божии сознали и на деле восчувствовали эту свою освященность, чтобы сами для себя являлись священниками, себя самих Богу принося в жертву и дар священный. Для сего, очевидно, они должны мыслить себя изъятыми из мира сего, не житием своим в мире, но заботами и стремлением своим. Как все освященное уже изъято из обыденного употребления, оставаясь, однако, рядом с вещами обычными, так и посвященные на служение Богу христиане должны быть с небесными стремлениями от обычной земной суеты житейской.

Но для сего уже все имеется в самом строе души народной у нас. Пастырство и должно сим воспользоваться и направлять людей Божиих к Жизни с Богом и для Бога здесь на земле. Посему пастырство должно иметь всякое попечение о том высочайшем духовном своем делании, для которого оно и поставлено на земле по намерениям Божиим для людей. И народ ничего иного не ждет от пастырей, как только чисто пастырской их деятельности, способствующей душе человеческой восходить к Богу и от Него получать себе освящающую благодать. Потому и пастырю самому нужно прежде и выше всего заботиться о духовной своей работе. Пусть он сам себя не перестает чувствовать чадом Божиим, перед Богом ходящим. Молитва, чтение Слова Божия, чтение Святых Отцов и житий Святых, испытывание своей совести через возможно частую исповедь, знакомство и общение с людьми духовного склада жизни, общение с народом до сроднения с ним полного и духовного и, особенно, общение с народом у народных Святынь и все подобное — вот что может развить дух пастыря в должном направлении, что может сделать его чутким руководителем народной души, воодушевленным пастырем, опытно знающим запросы души человеческой и пути к их удовлетворению. Такой будет истинным пастырем народником, и только он будет делателем на ниве Божией, а не требоисправителем, что не есть еще пастырство в должном виде.

Очевидно, деятельность такого пастыря будет приближением Христа Спасителя к людям, Того Христа, Который за душу человеческую и Крест претерпел, Который стучит в двери души человеческой и к Которому льется скорбящая душа человеческая, как к своему Спасителю и Утешителю. Спешите же, пастырь церковного стада, спешите же привести Христа ко всякой душе человеческой. Не ленитесь на этом беспримерном по своей высоте и спасительности для других пути, не меняйте этого делания ни на какое иное, тем более такое, в котором и намек нет на ваше пастырствование. Не оставляйте без Христа сиротой ни одной души человеческой, вверенной тебе от Пастыреначальника Спаса. Не давай врагу посмеяться и над душой человеческой, и над тобою, так унижающим свое высокое на земле для неба призвание. К небу руководи небесную в человеке душу и не оставляй ее быть оборванной и израненной от разбойников на пути. Явись даже и для такой милосердным самарянином и пойми о ней душевное попечение, передавши ее на руки Небесного Гостинника Христа, только и ищущего спасения человеческого. Да не смеется через тебя враг наш и Христов над святым и высоким нашим призванием по

намерениям Божиим, но да будет он сам посмеян и поруган и в деле нашем, и в жизни паствы нашей. Тем более не унижай сего святого дела погоней за земными сокровищами или за мирскими развлечениями и удовольствиями, не меняй на них святого пастырствования твоего.

Поимей и то еще непременно в виду, что тебе вверен наш русский богобоязненный и чувствительный ко всему набожному народ, однако совершенно почти всеми заброшенный и предоставленный самому себе с его темнотой и непросвещенностью. Но за это-то и полюби его, и пожалей его. Помоги ему выбраться из того мрака, в котором он привык пребывать со своей светлой и Бога любящей душой. Полюби и детей его, в большинстве случаев тоже заброшенных и кое-как случайно воспитываемых. Тебе ближе, чем кому-либо, может быть, известна вся эта беспомощность духовная нашего народа. И сделай все для того, чтобы ходил он в том свете веры, к которому тянется его душа и по которому она тоскует, когда не находит. Только этим объясняется и быстрый, хотя и случайный, успех всевозможный сектантских учителей, умеющих задеть за живое душу народную, когда она открыта бывает для подобного влияния, как сиротливо оставленная от прямых или должных ее руководителей. Сам ты не будешь испытывать скуки, усталости и сытости в таком душевном деле, исполненном святого чувства любви к русскому темному, но мягкому по душе народу при его заброшенности и оставленности. Это будет высочайшее дело во исполнение заповеди Спасителя: *болши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя* ([Ин. 15:13](#)).

4. Отрицательные черты в наблюдаемой современной действительности

Таково положение нашего дела со всеми наличными благими условиями его в самой народной душе. Кроме отрады, ничего все это не представляет. Конечно, трудности в прохождении пастырского делания в дальнейшем предстоят гораздо большие, чем у всякого другого дела. Но ведь для того и пастырство, чтобы бороться с такими вредными условиями. Если бы их не было, то не потребовалось бы и самого пастырства, как не нужен был бы и пастух для стада, если бы не было волков и воров.

Однако когда обратишься от этого к наблюдаемой самой нашей действительности, то приходишь в недоумение, а потом в ужас перед тем, что есть. Вот эти грустные наблюдения над беспощадной действительностью. Сплошь и рядом при расспросах как взрослых, так и малых приходится видеть, что именующиеся христианами не знают не только утренних и вечерних молитв, но и самых общеупотребительных и простых. Очевидно, и не молятся исправно, а в семье молиться не учат и молитвам не учат. В школах кое-каким молитвам научат. Но не влагают, очевидно, потребности молиться, не воспитывают святого чувства молитвы, как приближения нашего к Богу, как нашей с Ним беседы. Без этого же самого главного одно заучивание молитв для ответа ровно ничего еще не значит, и молитвы улетучиваются немедленно после оставления учащимся самой школы только лишь на летние месяцы. Очевидно, у самих родителей нет уже вовсе никакой заботы о том, молятся или нет их дети. Они и сами не научили тому детей своих, да и не наблюдают и за тем, соблюдают ли строго то, чему их в школе научили. В старину и школ было мало, и даже вовсе не было, но молиться все умели и свято соблюдали это. Ибо тогда мать считала своей первой обязанностью научить детей молиться. Сама она молится, держа ребенка у своей груди и творя над ним своими или детскими перстами крестное знамение. А потом она же научает его со своих слов и всем молитвам, ставя ребенка вместе с собою и на молитву. Сама же она молилась со всяким благоговением, истинно предстая во время молитвы пред Богом. Передавала она такое чувство и своему ребенку, и он не только заучивал молитвы с ее слов, но проникался тем же святым чувством молитвы, привыкая к молитве, как к святому своему долгу, который надлежит исполнять прежде всего и со всяким благоговением. Но, очевидно, в таком настроении тогда кто-то воспитывал и семью древнерусскую. И, конечно, это было делом исключительно пастырей, ибо иных руководителей тогда у народа не было.

Одинаковое незнание народом и житий Святых замечается, не знают даже жития своего Святого и даже дня памяти его. Следовательно, даже к своему Святому не имеют никакого личного отношения, кроме того, что его именем называются. И это даже у учившихся в школе. Очевидно, от современного поколения далеки все высокие примеры христианской добродетельной жизни, которые без слов способны научить тому же. Сама вера и все христианское упование без всякого книжного научения приближается к душе человека самым целостным образом, живым, а не отвлеченным. На житиях Святых да на Прологах и воспитывались старинные русские люди, и даже не по книжкам, а со слов других. Рассказы о святых были самыми любимыми рассказами, захватывавшими все внимание слушателей и впечатлевшими слышанное глубоко в душах слушателей. Люди привыкали в своих размышлениях ходить по примерам Святых и даже как бы в их близком присутствии. Так и создавалось благоговейное и богобоязливое чувство в душах наших предков. Оно так и передавалось от поколения к поколению, между прочим, путем научения от житий Святых. Тут

же одновременно учились и самой вере христианской, двигавшей Святых и на жизнь по ней, воодушевлявшей их на исповедничество за Христа в жизни. К глубокому сожалению, теперь такого примерного научения христианству и христианской жизни на житиях Святых нет, а потому нет и того святого воодушевления, которое может дать всякий светлый пример действительной добродетели. Веры своей не знают, закона христианского отчетливо не представляют, светлых образцов веры и добродетели не испытывают. И редко-редко кто сумел бы вразумительно, ясно и отчетливо рассказать свою веру вопрошающему о ней. И это при всеобщей почти грамотности, при общедоступности дешевого книжного рынка, при всяких полезных книгоиздательствах! Невольно напрашивается смущающий вопрос: да что же в таких людях и христианского осталось? Даже по внешним-то приемам и обычаям иногда трудно узнать христианина. Ибо многие креститься не умеют как должно, отмахиваясь рукой вместо истового крестного знамения. Не знают православного обычая принятия благословения Божия от священника или архиерея, отвыкли и от этого. Следовательно, верующим сердцем не понимают истинного значения и силы крестного знамения, которым как Крестом Христовым демонов прогоняем от себя; не понимают и силы благословения священнического, которым благословение Божие призывается. Что же после всего этого говорить о духовной жизни, о благодати Божией и о прочих таинствах нашей веры спасительной?

5. Глубокая вера и чувствительная совесть у народа, мятущаяся при недостатке пастырского руководства

На грустные думы может наводить такая картина действительности. И, однако, это было бы совсем несправедливо или преждевременно. Присмотревшись ближе и пристальнее к самой же действительности народной жизни, мы усмотрим глубокую и живую веру, тонкую нравственную чувствительность и совестливость такие, которых не найти и у испытавших Писание и книги о вере. Эта вера без слов светит от души русских людей там, где она нужна и где она проявляется. Это — у народных Святынь, при народных бедствиях, у Святых Таинств церковных, при таком духовном научении, которое душу захватывает и увлекает. Довольно посмотреть на такие проявления веры, даже только на лицо верующего народа, чтобы сказать, что вера в народе сильна, она живет в нем, она бьет ключом, когда это нужно и когда есть для того основание. Что влечет народ за сотни и тысячи верст пешего хождения к народным Святыням или к уединенным старцам подвижникам? Только одна святая и живая вера, а с нею и святая жажда духовного утешения и ободрения.

Наряду с этим монастырские духовники, да и умелые вдумчивые мирские священники с удивлением подмечают трогательную духовную чувствительность, строгую чуткость совести народной. На исповеди с такой аккуратностью и тонкостью рассказывают не только малейшие свои грехи, на которые обычно люди мира сего не обращают внимания, но и самые сокровенные свои помышления как основу греховной жизни. Это уже внутренняя духовная жизнь человека, его внутренняя борьба или то, что составляет главное делание строгих духовных подвижников, на то определивших себя. И все это народ православный проявляет среди сутолоки житейской; следовательно — сколько трудной внутренней работы стоит ему это? Все это наблюдается на тех бесчисленных наших благочестивых паломниках, которые с котомками на плечах бывают в святых обителях, вместе с трудовыми грошами оставляя там и свои от совести раскрытые грехи. Это лучшие при всей своей внешней невзрачности русские люди, своим духовным и телесным трудом себя приносящие Богу в жертву живую, как бы от лица всей в корне благочестивой Русской Земли. Начиная с «хождения Даниила Заточника», от всей Земли Русской приносившего лампаду ко Святому Гробу, и до днесь русские богомольцы всегда душевно предстательствуют за всех православных соотечественников, в этом полагая и главную цель своего паломничества наряду со смирением своего духа таким трудом для Господа. Такова душа русского человека в своем основном существе. Она вся способна стоять перед Господом и для сего достойного предстояния Ему способна до самой тонкости испытать и очистить свою совесть, заглядывая во все сокровенные изгибы души, чтобы там не оставить ничего не освещенного светом благодати Божией, но все извести наружу и — как недостойное Бога — выбросить вон от себя.

И при всем том все чаще и чаще наблюдается уродливая, слепая исповедь в народе. Приходят на исповедь и буквально не знают, в чем им каяться. Очевидно, потребность покаяния, а следовательно, и внимательное отношение к своей душе в значительной степени помрачились и потеряли свою силу. Но, очевидно, и должного научения тому не было от кого следует, то есть от пастырей и от родителей. Следовательно, наряду с описанной выше тонкой духовной чувствительностью растут поколения такие, которые уже в достаточной степени искалечили свою душу рядом разных условий, погрузивших ее в достаточную грубость и сделавших ее мало чувствительной. Очевидно, в достаточной степени ослабело и то духовное руководство, под которым воспитывалась душа старинных русских людей, когда без совета и благословения отца

духовного ничего не делалось, когда к нему шли со своими и житейскими и тем более с душевными затруднениями и смущениями, когда Патерики, Прологи, Златоструи, Маргариты и подобная духовная литература были воспитателями народной совести после Святого Писания и Святых Отцов. Именно этим путем и создалась та культура духа, которая составляет отличительное и господствующее свойство народной русской души. Именно таким путем умягчалась душа человеческая, на страже которой ставилась бодренная совесть, делавшая всего человека бодрым на дела благие и подвиги благие.

Но это же все приходит в силу, хотя и не в желательном направлении, тогда, когда соприкасается с посторонним влиянием, обращающимся именно к душе человеческой. Таково влияние сектантской проповеди. Правда, в уродливой и опасной форме проявляется тогда духовное пробуждение человека в виде непомерной самодовольной и самоуверенной гордыни от сознания своей спасенности, оправданности и даже святости ради заслуг Христа. Но все-таки это опять заговорил уснувший было дух в человеке. И он первым делом своим поставляет свое исправление, свою исправность, чтобы и соответствовать тому идеалу святости, который в той или иной степени и виде предстал перед душой соvrащенного в сектантство. Правда, гордыня сектанта не дает ему возможности видеть не исключительно только малейшую соринку в глазу соседа, но и большое бревно в своем глазу; но все-таки перед сознанием человека встанут запросы нравственные, требующие своего удовлетворения. В силу этих двух противоположных, но все-таки нравственных влияний душа сектанта, прежде спавшая в своих грехопадениях и пороках, и обращается на искания исправности в жизни, хотя бы и исключительно внешней, как более бросающейся в глаза. Для примера возьмем хотя бы пьяный вопрос. Никакие хозяйственные, медицинские и общественные соображения и основания не имеют в этом деле того значения, какое имеет пробуждение чисто нравственное. В то время как гражданские попечительные комитеты о народной трезвости не имеют ровно никакого положительного значения, располагая и средствами, и деятелями, и всякими пособиями для насаждения трезвости, в это же время наши церковные общества и братства трезвости, при полном отсутствии средств и деятелей, кроме одного священника, не только возрастают и процветают, но они-то именно и отрезвляют тех, которых коснется отсюда нравственный призыв к трезвости духовной и телесной. Не расчет какой-либо на умеренное и разумное употребление спиртных напитков здесь проповедуется, а исключительно духовная бодрость человека, которая должна сопровождаться и телесной трезвостью его. Значит, и уснувшая душа просыпается, когда ее затронет бодрый нравственный призыв к чистоте и святости. То же самое и у сектантов, только в ином, как сказано, соображении. Призыв к обновлению и очищению прежде всего, а часто и исключительно только, сказывается в призыве к трезвости, которая обязательно требуется от сектанта и которой они погибельно для себя гордятся над православными, безразлично терпящими среди себя и пьяниц. Даже в этом требовании обязательной трезвости для сектанта как истинного, по их пониманию, евангельского духовного христианина, — и в этом очевидно несомненное искание души русского человека строгой определенности в душевном делании как поддержки себе в исправлении своей слабой души, для которой несвойственно такое низкое падение. Ищут люди этой определенности, этой ясности должной для христианина жизни, не найдя ее у освященных и на то поставленных пастырей, охотно поддаются первому сильному влиянию сектантскому, сумевшему определенно, ясно, решительно и душевно явить в доступном виде идеал должной жизни и непрерывной трезвости.

Итак, чувствительная к вопросам духа с тонкой совестью душа русского человека, оставленная сама себе без должного руководства, засыпает и грубеет; разбуженная же разнородными влияниями, не найдя себе руководства и ободрения от поставленных именно и только на то церковных пастырей, легко подпадает под воздействие сектантское, находя в нем

то, что все-таки ободряет, примиряет и воодушевляет способную к высоким переживаниям, но ослабевшую во грехе душу.

Вот то, о чем говорит мне наблюдаемая наша народная действительность в рассматриваемом отношении нашего пастырского душе-попечительства. Действительность эта, как видно, полна противоречий. По существу она прекрасная почва для нашего пастырства. Но по являемым ее обнаружениям она полна болезней, неправильностей, заблуждений и гибели. Последнее все исключительно от недостатка или неумелости пастырского воздействия, чем в значительной степени обуславливается и сравнительный успех несвойственного смиренной русской душе гордого, как сам сатана, сектантства, исполненного высокомерного презрения к немощам православных, которые ими и признаются за неверующих язычников, еще только нуждающихся в крещении, почему господствующие среди сектантов и называются баптистами, в отличие от всех прочих, еще не крещенных по их учению и не оправданных, хотя бы они были и православными христианами.

6. Постепенность и жизненность пастырских начинаний

О богослужении

Всякий из нас обычно на школьной скамье задается широкими и всеохватывающими планами — непременно перестроить всю жизнь, которая, как кажется, только и ждет таких великих преобразователей и только без их услуг она и плоха. Но мечты мечтами большей частью и остаются. Ибо их нужно совсем с другого конца исполнять. А именно: не нужно задаваться великими задачами, но к ним приближаться постепенно и совершенно обычным исполнением прямого и простого своего долга. Тогда, наверное, Богу содействующу, преобразуется прежде всего личная жизнь самого высокого деятеля на ниве Христовой, а вместе с тем и именно ради того, наверное, с помощью Божией приведется направить к лучшему многое и в окружающей жизни. Без этого же главного условия все великие и широкие начинания останутся неосуществимыми мечтами, праздными затеями, конец которых — смех. Так и в данном случае. Всякий пастырь, близко принимающий к сердцу врученное ему священническое дело, скорбящий о неустройстве его, пусть постарается исполнять только лишь то, что ближе к нему, что просто и доступно, что проверено опытом многих прежних церковных работников, а лучше сказать — историей всей Христовой Церкви.

Прежде всего он должен сам для себя, а отсюда — и для всего своего священнического дела обратить святое внимание на наше церковное богослужение (эту таинственную область, исполненную назидания, умиления, восторга, поэзии, духовной красоты), низводящее незыблемый мир и духовную бодрость в сердца молящихся, но главнее всего — приводящее их в таинственное и действительное общение с Живым Богом, всякого, конечно, в свою меру веры и усердия. Это такая область, в которой христианин может истинно жить во Христе со всеми Святыми, восходить в этот духовный мир, как бы спускающийся к нам в виде тех икон и прочих святых изображений, которыми расписываются наши храмы (как жаль, что теперь роспись храмов и высокие многоярусные иконостасы отходят в область предания, заменяясь резьбой, позолотой, фигурами, колоннами и прочим). Но для этого таинственного восхождения христианина в храм к Богу пусть все и соответствует такой высокой цели. В храме и вообще за богослужением все должно быть совершаемо с полным благоговением и стройной чинностью. Посему пусть прежде всего совершитель богослужения будет исполнен искреннего сознания своего предстояния пред Богом впереди всех молящихся и для их и своего душевного спасения. Ни спешности и небрежности, ни невнятности и холодности равнодушной и скучной, ни вычурности и манерности, как в действиях, так и в голосе, быть не должно. Это все будет профанацией святого дела, принижением его, оскорбительным для святого чувства. Все должно совершаться в присутствии Бога, нас к Себе приемлющего, и потому с должной и возможной по средствам торжественностью. Посему и пение должно быть чуждо всякой небрежности, но и чувственной и игривой светскости, которыми заполнилась было наша Церковь в виде отвратительных для сердечной молитвы концертов, которым не должно быть места в храме. Нет, пение должно быть молитвенным, для чего нет распевов лучших, чем распевы знаменные, греческие, болгарские, киевские, валаамские, как созданные не песенными и, может быть, безрелигиозными композиторами, а церковно-народным гением, как порождение молящегося духа народного. Затем, так как в богослужении все свято и исполнено высоких целей, то и выбрасывать это святое и пропускать, по меньшей мере, не благоговейно; и конечно, делается это без достаточного понимания и от лености и небрежности человеческой. Мало того: наше богослужение имеет всегда строго законченный и цельный характер. Посему всякое сокращение его бессмысленное есть нарушение этой цельности и стройности. Что сказали бы меломаны,

любители театра, если бы выбросить из пьесы несколько отделений или даже строк? Так для понимающего весь строй богослужения совершенно недопустимо бессмысленное сокращение его. Теперь же дошло дело до того, что можно выслушать совершенно одинаковое богослужение и в Преображение, и в Успение: все характерное и существенное для всякого в отдельности из сих праздников выброшено, остались одни постоянные части богослужения, одинаково входящие в богослужение всякого праздника, то есть остался один остов богослужения без его характерного для праздника содержания.

Между тем наше богослужение во всей его целостности может дать неиссякаемый источник и для научения народа, да оно и само будет научением и без проповеди. Посему всячески нужно стараться совершать богослужение не только в сельском храме, но и по поселкам, чтобы все имели возможность помолиться, а не отставать от богослужения и не заделываться в беспоповцев. Смотря по местным условиям, можно в одном поселке совершить с вечера бдение, а в селе с утра другое бдение и обедню. Вечером же съездить в другой поселок и совершить там вечерню или акафист с беседой. На неделе же случающиеся праздники тоже можно использовать для богослужения по поселкам. Конечно, все это нужно заблаговременно наметить, оповестить население, чтобы все знали и готовились. Конечно, не без хлопот это будет, и прежде всего по делу о подводе. Обычно говорят, что теперь крестьянин с расчетом и подводы не дает. Но этот-то самый расчет и заставит его дать подводу, только бы он увидел действительное старание для него батюшки, да и смысл и пользу от того для самого себя. Знаю случаи, когда так и было, что сначала крестьяне неохотно давали подводу и даже отказывали, но потом, увидавши для самих себя духовное утешение, никогда не отказывали и даже заранее спрашивали батюшку, когда подавать им подводу.

Затем поставить нужно за правило, чтобы привлекать к участию за богослужением и самих молящихся, как в чтении, так и в пении. Еще лучше, чтобы пение было общим. Это, конечно, затруднительно будет вначале, ибо прежде всего молящиеся от непривычки будут стесняться петь, будут и путать. Но всему учатся и ко всему привыкают. Так и в данном святом деле. Но когда привыкнут и войдут во вкус, а это непременно будет, то никогда уже не отстанут от церковного пения. Народу общее пение весьма нравится, как об этом свидетельствуют все случаи заведения его. А дело это весьма простое. Руководить им может всякий, знающий простое пение, и пусть такой явится для народа лишь запевалой, конечно после предварительного объяснения этого дела и приглашения со стороны священника. Начинать нужно с простейших молитв и песнопений: Верую, Отче наш, Богородице, ектении и т. д., прибавляя по мере опыта. А потом можно будет приступить и к пению на гласы стихир. Таким путем и в жизнь пойдут церковные песнопения, в старину заполнявшие жизнь народную; и теперь они вытеснят собою все грязные расплодившиеся в народе песни мирские; научат и благоговению в самом поведении. А когда это дело разовьется и к народу привьется, тогда православные уже не пойдут на зазывные соблазны разных сектантов евангеликов и пашковцев. Им будет родным, дорогим и понятным и бодрящим душу свое православное богослужение. Эта великая сила в наших руках. Через богослужение истовое, торжественное, благоговейное воспитывалась в вере и в христианственности вся наша древняя Русь, когда школьное просвещение было слабо и условия жизни были далеко не содействовавшими просвещению. Кроме того, ведь все богослужение, весь чин его, все молитвы и песнопения его — это есть творение богомудрых людей, в молитве и духовном подвиге проводивших жизнь, Господу угодивших и душу свою набожную и богопреданную вложивших в эти свои творения. Значит, их святыми молитвами, их устами, вместе с их душами и молящиеся молятся в церкви за богослужением. А вместе с тем и самый Дух Божий сходит к душам так молящихся, как он был носившимся над молитвенниками Святыми. Таким же путем общенародного пения создастся и

общая сосредоточенность в молитве, которой часто не бывает при пении платных певчих с их возможной безучастностью к распеваемому. Затем, таким порядком народ будет ближе вникать в смысл церковных песнопений и естественно заучит и самые молитвы, распевая их за другими, а особенно, если бы устроить пение с канонархом. И какое воодушевление тогда создается у всех молящихся! Подлинно им не захочется и уйти из храма, в котором они так воспевали дивного во Святых Бога и к Нему востекали своею душой. Тут же и дети привыкают петь вместе со взрослыми, а лучше, пожалуй, с них и начинать это дело. Пением непременно должны руководить диаконы и псаломщики. Никто из них не должен ничем отговариваться и тем более лениться. Не умеющих петь псаломщиков не должно быть, как невозможно представить не умеющего играть музыканта. Для сего и устраиваются по епархии краткосрочные для низших клириков курсы пения, чтобы на них могли подучиться и плохо поющие. Пение должно быть простое, особенно общенародное.

Пусть сам священник на богослужение, прежде всего, смотрит, как на свое собственное молитвенное дело, для него спасительное. Тогда он все сделает, чтобы исправить его благоплодно и воодушевленно и для молящихся. Тогда он сумеет и к пению расположить их, и ко всякому участию за богослужением. И тогда богослужение будет источником и средством освящения, и научения, и утешения, и ободрения.

7. Проповедь Евангелия жизни

Затем настоятельно нужно усилить дело проповеди. Конечно, лучше будет изустная проповедь. Особенно в деревнях это просто бы устроить, народ не требовательный, но жаждущий назидания. Пусть бы всякий священник говорил с молящимися совершенно безыскусственно, как пастырь и отец своих духовных чад, наставляя их на жизнь по вере, по Евангелию. Сначала это, конечно, будет трудно, но после первого опыта робость спадет, особенно если проповедник

поставит себе целью говорить как можно проще и душевнее, не задаваясь никакими чрезмерными планами. Если же это невозможно, пусть расскажет чужую проповедь, но прочитает внятно, слышно, выразительно, без вычурностей, с чувством и наглядностью. Содержанием проповеди должна быть не только нравственная жизнь, но и целая катехизация, наставление в христианских истинах и обрядах. Пусть это все будет предлагаемо проще, жизненнее, нагляднее, прочувственнее. Пусть священник поставит себе целью, чтобы пасомые его хоть приблизительно могли рассказать, как и во что они веруют, чтобы взрослые потом и детям это могли передать, научить их жить по-Божьему, научить молитвам. Ведь в старину так и было, что взрослые, научившись от батюшки, да от книг отеческих, да от грамотных людей, в этом и детей своих воспитывали и растили, с детства действительно воцерковляя их христианским научением и воспитанием. Стесняющиеся пастыри пусть для своего ободрения знают, что ведь никак не мудрые, сравнительно с ними, все сектантские начетчики — большей частью простые люди, они умеют назидать своих слушателей, воодушевить их любовью к Евангелию и отвлечь от Матери Церкви. Пусть священники приложат свое старание к этому делу. Для сего пусть обязательно читают Святую Библию — живое слово Божие. Там они найдут и источник воодушевления, и собственного умудрения, и назидания для слушателей судьбами управляющего всеми Промысла Божия, и противовес односторонним вычитываниям сектантским. Пусть чтение Библии, особенно Нового Завета, будет ежедневным благоговейным уроком, пусть оно будет беседой с Самим Богом.

Но не следует ограничиваться только проповедью за литургией. Нет, помня завет святого Апостола Павла святому Апостолу Тимофею ([2 Тим. 4:2](#)), пусть всякий священник помнит, что ему нужно своих духовных чад умудрить во спасение, просветить светом Евангелия Христова, привести ко Христу и сказать ему: *се аз и дети, ихже дал ми еси*. Поэтому пусть он постарается и за другими богослужениями хоть краткое слово назидания от Евангелия предлагать молящимся, питать их душу хлебом Божиим. Кроме того, непременно нужны вне-богослужebные чтения и беседы — в храме, в школе или в ином подходящем месте. Чтения эти нужно разнообразить и оживлять как содержанием их, так и самым ведением чтения. На них уместно и следует завести пение хоровое и общенародное. Тут будет и чтение от Божественного, и рассказ из жизни Святых или из истории поучительной. На сих чтениях удобно может исполняться и сама катехизация народа. Тут может быть и борьба с народным пьянством, и с вольномыслием, и с хулиганством и прочее. На чтениях таких пусть принимают участие не только члены причта, кто как может, но и учителя и учительницы, особенно церковных школ. Тут явятся пособницами и жены, и дети клириков и учителей. Тут и сами учащиеся дети у умелого устроителя чтений будут участвовать в чтениях. Такие чтения следует устраивать не только в селе при храме, но и в приходских деревнях, по очереди их посещая с такой целью, конечно, по вечерам, когда народ бывает свободен от работ. Там, где священник прилагает усердие к этому делу, там чтения привлекают живое внимание и участие прихожан. А

это помимо прямого христианского просвещения принесет и косвенную пользу — отвлечет праздных людей от искушения разными соблазнами праздного провождения времени, особенно праздничного. Конечно, следует пожелать, чтобы окружные благочинные наблюдали за таким делом и малодетельных подвигали на дело силой своего авторитета и полномочий, им данных.

Разумеется, пастырская ревность и благоговение перед своим высоким служением и ответственностью подскажут священнику и научат его не ограничиваться только указанными путями и средствами к научению пасомых. При всяком сообщении с прихожанами или отдельными из них, например при требоисправлениях на дому или в церкви, он найдет возможность и умение сделать соответствующее наставление или проверить степень христианской просвещенности и настроенности прихожан. А случаи браковенчаний и крещений дают возможность и тем более научить пасомых вере. Есть приходы, где собирающиеся быть кумовьями при крестинах или вступить в брак предварительно заявляются к священнику, такой и порядок заведен. И священник испытывает их в знании молитв и только после того ведет окончательный разговор о предстоящем важном деле в жизни. Пусть бы это было и сделалось обязательным правилом и порядком во всяком приходе. Это большую пользу духовную принесло бы приходскому делу. Пусть только помнит священник, что он духовный отец своих чад, чтобы заботиться о них, как о самых родных детях перед вверившим их ему Богом. Да всего и не перечислить, что может помочь священнику христиански устраивать приходскую жизнь. Например, обычно в деревнях между утреней и обедней причт совершает случившиеся требы, а народ не знает, куда ему употребить это время. Вот тут и хорошо бы вести чтения и беседы. Вместо занятых делом священноцерковнослужителей могли бы этим заняться учительствующие в школах, любители и семейные клириков, конечно под руководством священника. Местами так и бывает, где находится усердие и согласие у всех указанных лиц. На таких чтениях можно и Закону Божию всех учить, и на христианскую жизнь наставлять, и молитвы разучивать, разъяснять и распевать, и на современные веяния и запросы ответы давать, и просто хорошую книжку прочитать на досуге.

8. Содружество ревнителей веры и жизни по вере

Но не следует довольствоваться всем вышесказанным. Непременно нужно проводить все это и в жизнь, чтобы она в разных отношениях и с разных сторон проникалась евангельскими начинаниями. Несомненно, во всяком приходе, даже в самом распропагандированном, найдется много таких, которые скучают и скорбят о всем нехорошем в жизни. Вот с них-то и пусть священник начнет дело церковной миссии. Пусть он соберет около себя таких ревнителей благочестия, христианского научения и книжного доброго чтения. Из них можно составить постепенно как бы миссионерский кружок или кружок ревнителей. Собирая их по временам вместе, беседовать о вере и жизни, читать Слово Божие и о Божественном, возбуждать в них самих ревность о том, чтобы и других привлечь к своему содружеству, научать их, как действовать на других и на кого именно, с какой стороны и что предлагать другим ко вниманию, чтобы возбудить жажду духовной жизни. Десять таких душ постепенно при усердии и умении приведут других десять, а затем придут за ними и сотни; наконец, за общим течением придут и все прихожане. Конечно, это не так будет скоро и легко, как написано в сих словах. Но на то мы, пастыри, и поставлены. Только не следует задаваться большими и быстрыми успехами непременно сразу и на всех подействовать; этого не было даже на примере нашего Первоархиерея Христа. А начавши с нескольких душ, как с малого зерна, с Божьей помощью и своим старанием пастырь возвратит и всех ко Христу — сознательно и деятельно жить перед Ним. По времени дело покажет — не следует ли в таком воодушевленном на добро содружестве сделать подразделения с определенными целями влиять на всю жизнь прихода с разных сторон. Например, старшие могут составить содружество или общество с целью бороться с непорядками в общественной жизни, с хулиганством и озорством, с шинкарством, воровством и тому подобным. Женщины пусть поставят себе сообща целью следить за добрым поведением детей и молодежи, общим советом и уговорами отводить мужчин от пьянства и т. п. Девушки пусть украшают и за чистотой наблюдают в церкви приходской, предпринимают разные работы на украшение храма, в пользу или помощь бедных и нуждающихся и т. п. Молодцы пусть составляют содружества для изучения Слова Божия, для чтения умных книг, для борьбы с пьянством, для взаимного укрепления в добром поведении с целью привлечь к тому и товарищей, для разумного и хорошего обзаведения сельского хозяйства и т. п. Жизнь и дело постепенно наметят и укажут цели частные; в жизни всегда одно цепляется за другое. Понятно, что в таком деле нужны руководители и вдохновители. Во главе всего дела стоит священник. А ближайшими пособниками ему и должны явиться как прочие клирики и их семейные, так и учительствующие в школах с их семейными, а равно и все образованные в приходе лица. Пусть, например, матушка встанет руководительницей всех крестьянских женщин, как образованная женщина. В прежние времена так и было, что матушка была первой советницей для всех прихожан; к ней прежде всего направлялись и с телесными болезнями, и с семейными начинаниями и дразгами. Матушка для прихожан была действительно как мать родная. Ее авторитет был весьма высок. Да подражает прежней матушке и матушка нынешнего времени: теперь ее дело еще плодотворнее может быть, только бы она приложила старание к тому и любовь возгрела в себе к меньшей братии. Пусть она не чуждается крестьянства, не являет себя барыней, а будет проста, приветлива, доступна, внимательна. А образованность ее научит ее, чем она может быть полезна крестьянству темному. Или, например, как было бы полезно, если бы летом, когда все взрослые бывают на работе, а в деревне остаются одни дети да беспомощные старики, — если бы в это время поповны и поповичи взяли под свое

покровительство беспризорных детей, лишь к разным нехорошим привычкам пристращающихся на свободе, по чужим огородам лазящих, а иногда и пожары устраивающих. Таких-то детей и прибрать бы к рукам разумными развлечениями и играми, прогулками, рукоделием, ремеслом и т. п.; а малых, грудных детей, можно бы ухаживать и прямо, как в яслях, — тогда бы не было бы той ужасной смертности детской именно в летнюю пору от неприсмотра, от плохого питания и т. п. И опять всего и не перечесть, что можно завести при воодушевлении и усердии. А все это именно и подействует возрождению приходской жизни, всех объединит в одну приходскую семью, из которой никому не захочется уходить куда-либо в сторону. Все это облагородит нравы, поднимет общее благосостояние деревни. А главное — проведет в самую жизнь начала церковности, заветы Евангелия, дух любви и взаимопомощи. И перед этой жизненной стеной рушатся все нападки вольномыслия, сектантства и прочего, враждебного Христу и Церкви; им не к чему будет привязаться в приходской жизни, нечем будет заманить к себе, когда в приходе все устраивается по Евангелию¹.

9. Благотворительность

Все отъединяющиеся от Церкви общества прежде всего стремятся объединиться между собой и к себе привлечь других на почве благотворительности и взаимопомощи. Да это и естественно, ибо нужда бьет чувствительность всякого и заставляет идти к тем, кто может прийти на помощь. У русских сердце доброе и отзывчивое, но, к сожалению, все это часто проявляется вразброд и без толку. Сколько, например, бедная деревня раздаст нищим хлеба в виде милостыни — ломтей хлеба. Правда, нищие-то накормлены. Но иногда настоящие-то нуждающиеся остаются обойденными ради тунеядцев. Поэтому было бы ближе к делу и разумнее — устроить, например, мирскую избу или богадельню, где на общественные подаяния и содержались бы нищие. Сюда всякий охотно приносил бы от своих избытков, и богадельню недорого было бы и содержать. Она была бы мирской. Важно в данном случае то, что и обычная благотворительность будет сосредотачиваться около церкви и священник будет хозяином как всего церковного дела, так и этого. Так создадутся отдельные ячейки или гнезда и всей церковноприходской жизни. Так и вся жизнь устроится по заветам Евангелия, по-церковному. А ведь недостаток этого в нашей приходской жизни прежде всего и заставляет многих искать прибежища и утешения духовного на стороне; и идут люди к раскольникам, к сектантам и даже к освободителям, сплоченным между собой и воодушевленным, по крайней мере вначале, заботой о лучшем в том или другом отношении. Такому порядку и нужно противопоставить наш во многом лучший и превосходнейший порядок церковный — устроить жизнь по Евангелию.

10. Народная школа

Народная школа должна быть в самом серьезном внимании священника. Это катехизаторское училище в самом широком смысле. Здесь священник готовит будущих сознательных членов его приходской семьи. Здесь он полагает начало христианскому просвещению своих духовных чад. Здесь он может заложить в душу своих пасомых добрые начала жизни, добрые навыки навсегда. Так он и должен смотреть на школу, как на начальную и необходимую пособницу ему и Церкви Христовой. Умелым преподаванием, настойчивыми и отеческими напоминаниями, пастырскими беседами с детьми, умелым подбором книг и рассказов как для классного, так и для домашнего чтения, расположением детей читать Евангелие, жития Святых и подобное, — всем этим священник может приготовить из своих учеников сознательных и деятельных воодушевленных работников церковноприходской миссии. Как это сделать — трудно сказать; пастырская ревность и отеческое заботливое чутье научат пастыря, как это устроить благополучнее. Один только совет надлежит помнить — не относиться к школьному делу чисто формально, холодно, только по обязанности. Нет, пусть это будет возгребто отеческой ответственностью перед Богом за вверенные души. Тогда из школы будут выходить и добрые ревностные христиане, сознательно и горячо верующие, и борцы за веру и Церковь против неверия, вольномыслия, раскола, сектантства, нетрезвости, хулиганства и прочего. Подметивши душевные способности некоторых из школьников, священник и сознательно может готовить из своих учеников умелых и начитанных миссионеров в приходе. А кроме того, все доброе из школы дети принесут домой и здесь могут явиться и живыми проводниками пастырских начинаний в народную жизнь. Через них священник может благотворно действовать на всю жизнь народную. Особенно это нужно сказать об ученицах — девочках. Женщины по природе своей больше склонны к религиозности. Тем более набожность разовьется в девочке, если умело и внимательно стараться воспитать ее в христианском духе. А она потом будет матерью семейства и сумеет по-христиански воспитать своих детей, с детства прививая им все христианские начала жизни. Особенно красноречиво свидетельствует о сем наша древнерусская жизнь, когда именно мать и была главной и почти единственной воспитательницей своих детей, ибо тогда не было современных учебных и воспитательных заведений. О том же свидетельствует и практика католического духовенства, которое усердно старается прежде всего забрать под свое влияние и руководство школьное дело. И через школу именно больше оно и ведет свою пропаганду католичества в нашем западном крае. Ибо ведь справедливо сказано: что посеешь с детства, то и пожнешь в жизни. Поэтому-то и наши освободители так горячо ухватились за школьное дело и спешат забрать его в свои руки, стараясь отстранить духовенство. Осужден будет от Господа тот пастырь, который, забывая свой пастырский долг, окажется невнимателен к школьному делу, и еще более осудится, если по лености или намеренно опустит из своего прихода церковноприходскую школу — первую свою помощницу в пастырстве. Да, отцы и братие, душу свою всякому священнику нужно вкладывать в приходскую школу, чтобы с молодых лет не выпустить пасомых из своих рук, а, напротив, и их воспитать добрыми христианами и через них влиять на всю приходскую жизнь.

11. Библиотека, читальня и вообще о печатном слове

Обычно клин клином и вышибается. Так и с врагами нашими следует бороться их же оружием. Обычно все враги Церкви действуют через печатное слово. Дешево распродается, а часто и вовсе бесплатно раздается всякая враждебная Церкви и вере литература. Так действуют как освободители, так и сектанты. Поэтому все меры нужно приложить к тому, чтобы заводить при церквях и школах доступные и интересные для народа библиотеки и читальни. Интерес к книге и вообще к печатному слову теперь весьма возбуждился. Пусть только это печатное слово будет созидательным, а не разрушительным. А созидательная добрая литература теперь весьма богата. Небольшие средства на это всегда можно изыскать на месте — в церкви, у благодетелей, сбором с прихожан. А потом постепенно увеличивать состав библиотеки, выписывая такие прежде всего издания, которые отвечают на потребности времени и прихода и несомненно возбуждают интерес у читателей и их слушателей. А возбуждился этот интерес, тогда и средств прихожане не пожалеют, лишь бы прочитать занятную книжку. Конечно, трудно крестьянину дать на это деньгами, хотя и немного, а хлебом при сборе его он даст много больше; собранный хлеб можно продать и на вырученные деньги выписывать книги, журналы и прочие издания; таким же путем и вообще лучше и ближе к делу собирать средства и на прочие полезные заведения в приходе. Постепенно можно будет затем завести и читальню народную в школе, в сторожке или еще где-либо. Конечно, все это должно быть под наблюдением и попечением священника. Но при расширении дела найдутся и помощники даже из простых крестьян, которые с охотой, старанием и умением будут наблюдать — кто за библиотекой, кто за читальней, кто еще за чем-либо в таком же роде. Выдаваемые на прочтения книги, конечно, должны быть записаны в особую книгу, чтобы не пропадали и возвращались в целостности и сохранности. Умело оборудованная библиотека, хотя бы и в малом своем составе, принесет великую пользу в деле всякого доброго просвещения в народе. Так исподволь, не задаваясь широкими планами, и следует ее заводить во всяком приходе. Наряду с этим следует обратить внимание самое высокое к раздаче и распродаже разных религиозно-нравственных листков. Известны по своей распространенности и народности листки: Троицкие, Почаевские, Воскресного дня, Кормчаго, Братские (Петроградского Миссионерного Совета) и другие. При московском книгоиздательстве «Верность» издаются очень маленькие и весьма дешевые книжечки. Вот такими дешевыми изданиями и можно пользоваться в деле. В церкви всегда найдется 3—5 рублей свободных, а с них можно купить 1—2 тысячи указанных изданий самого разнообразного содержания. Конечно, для раздачи народу этого количества недостаточно. Но и такие листки могут иметь влияние на весь приход и сделать большое дело, если священник умело и с разбором будет их давать при каких-либо важных случаях или после какой-либо беседы серьезной с отдельными прихожанами, прося их непременно прочитать листок и другим. Известно, что заинтересовавшая прихожан книжка, листок, газета или журнал из рук в руки передаются по приходу и всех занимают. Так будет и в данном случае, если дать собеседнику именно то, что его ближе в данный момент касается, чтобы ответить ему на душевный его запрос. При такой раздаче и 1—2 тысячи листков разойдутся по всему приходу в течение года и принесут большую пользу. Пастырская ревность и умение научат священника, как проверить, читают ли и другим передают ли листки и книжки получившие их. Заинтересуются прихожане подобными изданиями — наверное, и покупать их будут. А тогда постепенно может составляться капитал и на расширение всего книжного дела: купить листок за 1 копейку — недорого, а при гуртовой выписке листков это составит уже значительную

прибыль, и так дело постепенно разрастется, было бы старание. Местами, наверное, найдутся, хотя и не крупные, и жертвователи на это полезное дело. Наверное, не откажутся пожертвовать и крестьяне, конечно хлебом, который можно продать на деньги.

12. Борьба с пьянством

Общества трезвости

По нуждам нашего времени более, чем когда-либо, необходима настойчивая и разносторонняя борьба с ужасающим народным пьянством. Размеры и виды этого зла нашей страны всем известны, и сельским, и вообще пастырям Церкви более, чем кому-либо. Известны и наглядны все худые последствия этого горя и в семейной, и в народной жизни. И болезни, и расстройства семейной жизни, и бедность, и упадок хозяйства, и некультурность, и убийства, и драки, и скандалы — все это в значительной степени, если не почти исключительно, плод пьянства. Упадок благочестия, невоспитанность общая и религиозная у детей, неимение средств на самые неотложные просветительные и благотворительные или иные полезные общественные и личные дела — опять тоже от пьянства. Золотой человек и по характеру, и по работоспособности совершенно пропадает и погибает, делается невыносимым и нетерпимым для жизни, когда предается пьянству. И наоборот, не узнать человека, когда он бросает, хотя и с борьбой, этот свой бесовский недуг. Даже внешний вид его совершенно изменяется, не говоря уже о внутреннем его настроении. Такой воспрянувший духом трезвенник действительно приходит в себя, возвращается и к делу, и к Богу. Это он и сам сознает, и другие видят в нем. Это все прекрасно сознает и сам наш русский простой народ. При поездках по епархии приходилось встречать в этом отношении трогательные картины. Когда беседуешь с крестьянами о пьянстве, особенно на деревенских праздниках, то не только женщины, эти истинные страдалницы ради мужицкого пьянства, но сами мужчины горячо выкрикивали из толпы мольбы похлопотать, чтобы закрыли у них винную лавку, от которой они погибают ради своей слабости. Крестьяне одного селения представили мне свой общественный приговор, сполна всеми подписанный, о закрытии у них винной лавки. Подавали они приговор в прошлом году, пришел отказ на это. Они, однако, тотчас же на другой день по получении отказа снова составили приговор о том же. Народ сам сознает ужасный вред от пьянства, но глубоко сознает и слабость своего характера — устоять против близкого и заманчивого искушения. В этой своей беспомощности он ищет себе всякой помощи и поддержки на стороне. И наш пастырский долг — прийти к нему на помощь, взять в свои руки выношенное народным горем его желание бороться с пьянством. И там, где священник понимает и принимает это к сердцу, там начинается, сначала неуверенно и робко, а потом все смелее и бодрее, общество трезвости. Общества трезвости церковные — это истинные спасительные маяки среди нашей темной действительности. Прямой долг священников — взять в свои руки все более и более пробуждающееся в народе желание отрезвиться, встать во главе этого движения и около себя под покровом приходского храма объединить всех ищущих трезвости. Здесь необходим первый совет в данном деле: не записывать сразу на большие сроки. Ослабевшую волю нетрезвенника нужно постепенно укреплять и приводить в бодрость. Поэтому пусть сначала выдержит короткий, например месячный, срок трезвости; выдержавши, пусть записывается на новый срок, наконец, на более продолжительный, пока такой борьбой со своей привычкой постепенно не победит ее. Если он после такого краткого срока и не выдержит и непременно напьется ради слабости своей воли, то совесть его не так замучит, как замучила бы, если бы он среди длинного срока обещания не выдержал и запил. Тогда он от уныния счел бы себя совсем безнадежным и уже перестал бы думать о трезвости. А бывают случаи, что не выдержавшие продолжительного срока и мучимые своей совестью от отчаяния прямо готовы в петлю. Да, великую силу имеет молитва и обещание молитвенное перед Господом Богом. Эта сила превосходно выше всяких хороших разговоров о трезвости и о вреде пьянства и алкоголя. Весьма ободряющее значение имеет и самое имя

«Общество трезвости»: значит, отрезвляющийся не один, а в многолюдном обществе, у которого и беда, и добрая цель одна и та же. Постепенно создается бодрящее воодушевление в «Обществе», число членов прибывает, это еще большую бодрость придает всем. Общее воодушевление сейчас же вызывает к жизни и на дело всевозможные добрые начинания для укрепления начал трезвости, для взаимной поддержки на начатом добром и трудном пути, а вместе и как проявление пробуждающейся правильной жизнедеятельности. Находится и помещение для собраний «Общества», и дело, вместе с ростом «Общества» расширяющееся, заводятся чтения, туманные картины, библиотека, читальня, книжная торговля, школа для христианского воспитания и обучения детей, между прочим и в началах трезвости, воскресная школа для взрослых, мастерские для трезвенников, встающих на ноги, открываются приюты, богадельни, больницы, лечебницы, для взаимного утешения и ободрения устраиваются богослужения, крестные ходы, поездки и путешествия по святым местам, деятельное участие в богослужении и т. д. и т. п., смотря по составу трезвенников и по местным и временным условиям. Ведь с ничего началось и Петроградское Александро-Невское Общество трезвости, а теперь это — великое дело. Радостно и ободрительно смотреть и на добрый и сравнительно быстрый рост и развитие и Новгородского Иоанно-Предтеченского Общества трезвости под руководством усердного о. Александра Ваученского. Отцы и братие! Возьмемся все за это неотложное и доброе дело трезвости. Пусть всякий священник, конечно прежде всего сам, являя пример трезвости и борясь с этой слабостью, если сам ее имеет, — пусть всякий священник в своем приходе начинает дело трезвости, подражая другим, сначала в самых скромных размерах, но без робости и не падая духом при возможных незадачах и неуспехе: терпение и труд все перетрут. Пять или десять трезвенников в приходе, при их и священника усердии и сочувствии горю других, привлекут и десятки, а потом и сотни, а сотни составят тысячи и миллионы. И общим воодушевлением и трудом, общей борьбой убит будет зеленый отвратительный погибельный змий, расползшийся по лицу Земли Русской. Для дела поставляйте и себя, и всех отрезвляющихся перед Господом Богом с молитвенным обещанием пред Ним и с прошением о Его помощи. И Бог сделает Свое, видя наше к Нему моление, наше на Него упование. И возродится наша родная жизнь и процветет яко крин в поле, и свет велий узрят многие, совсем было погибавшие от пьянства. Итак, из любви к Отечеству, с Божию помощью дружно на врага сего поспешим, в поход против пьянства. С этой стороны непременно следует обратить внимание и на детей, еще на школьной скамье всячески воспитывая их в сознательном отвращении к вину, чтобы они и в жизнь выходили трезвенниками и борцами за трезвость.

13. Народные богомоления и паломничества

По поводу борьбы с пьянством заговорил я о народных богомолениях. Это вопрос весьма важный. Влияние на народ таких народных торжественных богомолений весьма велико и несомненно. Особенно, если такие богомоления устраиваются вовремя, с предварительной подготовкой, с личным воодушевлением священника. Нужно пользоваться всяким удобным случаем, чтобы вызвать народ на это. Засуха, ненастье затяжное, мор скота, червь напал на хлеб и т. п. — все это дает священнику повод обратиться к душе своих прихожан, чтобы возбудить в них дух сокрушения, искание Божьего заступления, желание молиться Ему и его Угодникам. Концом этого и будет нарочитое богомоление, поднятие икон в деревне, крестный ход вокруг села или на поле и т. п. Тут и место проповеди, и общенародному пению, и обещание на трезвость, и усердие на общее доброе дело и т. п.! Вовремя устроенное, все это будет иметь весьма важное значение и надолго сохранится с благоговением в народной памяти. Такое же значение имеют и путешествия по святым местам. Издревле это было весьма воспитывающим средством на Святой Руси. К народным святыням нес наш народ и горе, и радость. У народных же святынь он заполучал и выносил в жизнь все высокое и святое. Хорошо известно, с каким благоговением хранит набожный человек вынесенную из святой обители икону, крестик, листок, книжечку, расписанную ложку деревянную, даже камешек с реки или источника. А с каким благоговением и набожностью вспоминает он все, что слышал и видел там хорошего, какое слово сказал ему духовник или какой-либо отец из братии, даже гостинник монастырский. Это все и нужно использовать священнику в пастырском деле. Как бы было хорошо устраивать общенародные, конечно из усердствующих только, путешествия к местным святыням. Как бы хорошо привлечь и увлечь на это и школьников. Прочитайте у покойного народного труженика С. А. Рачинского описание паломничества его со школьниками к преподобному Нилу Столбенскому. Без сердечного волнения нельзя читать эти дивные строки. А как дорого было это паломничество для детских душ, и сказать нельзя. Выбрать бы заранее удобное и свободное от полевых работ время, собраться всем усердствующим в церковь, помолиться и идти вместе в обитель к Угоднику или к Владычице. На дорогу запастись книжками, житиями, рассказами, а если можно, то живыми из прихожан же рассказчиками. По дороге знакомить с достопримечательностями, с историей из народной жизни и т. п. И время, и трудная дальняя дорога покажутся незаметными, веселыми и легкими. А в попутных церквях и часовнях останавливаться и устраивать богомоления вместе с местными жителями, делиться впечатлениями, привлекать их к своему делу. Да ведь это богатейшее дело по своим жизненно-христианским последствиям. Припоминаю, как новгородские трезвенники уже несколько лет подряд в день Вознесения Господня совершали крестный ход за десять верст к преподобному Савве Вишерскому. А летом 1909 года на двух пароходах устроили паломничество в г. Старую Руссу. Все это с молитвой, с пением, с назиданием. Это такое сильное впечатление на всех участников производит, что крестный ход с каждым годом привлекает все больше богомольцев, несмотря на то, что этот молитвенный день начинается обедней в 5 часов утра в городе и оканчивается возвращением в город около 5 часов вечера после обедни и крестного хода в Саввином монастыре. А паломничество новгородских трезвенников в г. Старую Руссу подняло на такое же паломничество к новгородским святыням старорусских трезвенников, и тоже на двух пароходах. Все такие народные паломничества и экскурсии поначалу как будто трудно устраивать; а потом первый же опыт научит многому, и дело наладится прекрасно. Припоминается мне наблюдение японской жизни. Там это дело весьма развито в народе даже

самом простом. Кончились полевые работы у крестьян, и поднимается деревня в путь из разных концов Японии. Путешествуют и одиночно, но больше партиями для удобства и дешевизны. И крестьяне, и крестьянки, и старые, и малые посетят все достопримечательности в том или другом городе или округе страны, побывают у всех своих заветных языческих мест и храмов, все высмотрят, все заметят, чему можно поучиться у других, и домой возвращаются довольные путешествием, богатые воспоминаниями и впечатлениями, приносят с собой или редкости, или полезные вещи и т. п. И от этого, между прочим, самая жизнь деревни японской возвышается и улучшается. Не хуже же мы и не беднее духовными дарованиями, чем японцы. Напротив, скажу по истинной правде на основании своих наблюдений не только над японцами, но и над другими народами: наш русский народ весьма богато одарен, способен на все высокое и доброе, и при случае все это проявляется так богато, как ни у кого. Но беда наша в том, что на все это богатство природы народной мы не обращаем внимания, не пускаем все это в дело, действуем вразброд без определенных планов и намерений. Итак, со вниманием и усердно возьмемся за это дело и увидим богатый плод от того. Так и религиозное чувство возбудим и поднимем, и с народными святыми познакомим и сродним, и родную историю приблизим к народной душе, и общее благосостояние народной жизни поднимем, и от многого праздного и дурного отвлечем, и вообще в жизнь вложим серьезность и сознательность. Не могу без волнения представить эту величественную картину воодушевленных народных паломничеств при разумном руководстве священника или еще кого-либо понимающего и усердствующего.

14. Приходские праздники

По однохарактерности дела нельзя обойти и еще одного предмета. Есть у духовенства старинный обычай приезжать друг к другу на праздник сельский. Обыкновенно это делается только лишь для праздничного развлечения среди однообразной деревенской жизни. Вот этим обычаем и хорошо бы воспользоваться для дела церковного. Хорошо бы причтам соседних церквей при возможности приезжать на сельский праздник, чтобы принять участие в праздничном богослужении, в крестном ходе, в проповеди собирающемуся во множестве народу. В некоторые праздники в соседних селах и богослужения не бывает, так что причты свободны; а когда бывает неотложное богослужение, то можно приезжать к концу богослужения. Для народа такое общение соборного духовенства в молитве весьма важно. Польза от этого усугубится еще проповедничеством съехавшихся священников. В юго-западном крае борьба с воинствующим католичеством научила духовенство весьма усердно пользоваться этим средством. Там даже нарочно приглашают известных проповедников и усердно утешают во множестве собирающийся народ и богослужением, и проповедью, и раздачей листков, и дешевой продажей книг и брошюр. Тогда, наверное, и народ не будет так пьянственно проводить сельские праздники, как это в обычае. Конечно, духовенство само должно показывать пример в этом отношении. А потом после богослужения всем съехавшимся и открыть бы пастырское совещание о всех недоуменных или интересных вопросах пастырской жизни и деятельности. Тут многое можно решить и наметить общим советом в самой непосредственной братской беседе. Например, жалуются теперь часто, что многие из прихожан редко ходят в церковь или и совсем не ходят, многие давно не исповедуются и т. п. А между тем 80-е правило VI Вселенского Собора гласит: «аще кто епископ, или пресвитер, или диакон, или кто-либо из сопричисленных к клиру, или мирянин, не имея никакой настоящей нужды или препятствия, которым надолго был бы устранен от своей церкви, но пребывая во граде, в три воскресные дни в продолжение трех седмиц не приидет в церковное собрание, то клирик да будет извержен из клира, а мирянин да будет удален от общения». Вот на подобных пастырских собраниях и обсудить бы это дело. Тут сопастыри порассказали бы о своем опыте в таких случаях, что они со своей стороны предпринимали и как поступали. Тогда и другие увидели бы, что, может быть, часто такая неисправность прихожан бывает и от самого пастыря, от того, что он в свое время со своей стороны ничего не сделал для уврачевания и для исправления греха. Тут обсудили бы и вопрос об отпадающих от Церкви или в сектантство, или в раскол, или в вольномыслие. Изыскали бы один за другим и согласные меры для таких случаев. Тут одобрили и воодушевили бы на дело друг друга. Конечно, об этом писать легче, чем завести и устроить подобное. Но опять повторяю: без труда и никакое дело не заводится. А теперь время не такое, чтобы нам всем пастырям сидеть сложа руки или рассчитывать на миссионеров приезжих. Миссионеру не угоняться по всем селам и деревням, да настроения и движений в приходе он никогда и не узнает при своих временных наездах. Поэтому всякому священнику нужно быть на страже своего приходского дела, чтобы какой-либо волк не похитил хотя одну из его овец. А миссионер будет только пособником и руководителем в миссионерском и вообще приходском деле, когда сил приходского священника недостаточно. Поэтому-то и нужно всем пастырям и самостоятельно, и сообща изыскивать все, что только может помочь пастырствованию. Как на одно из таких средств я и указываю теперь в виде пастырских собраний по поводу сельских праздников. В некоторых местах это уже и заведено. На таких собраниях выяснится вопрос и о библиотеке с читальней, и о том, какие книги и руководства нужны для борьбы с современными

веяниями и движениями в народной жизни, какие издания действительно полезными оказались и на деле и т. п. Это понятно само собой. Я напоминаю об этом только для того, чтобы возбудить у кого-либо, а если Бог поможет, то и у всех пастырей желание воспользоваться таким совершенно обыденным делом и использовать его для Церкви, для пастырства, для исправления разных недочетов. Даже все, что доселе я изложил в данных письмах, и это все может быть с пользой всесторонне рассмотрено на таких пастырских собраниях, на которых выяснится, что много уже и на деле оправдалось, а многое нужно заводить несколько иначе и т. п. Такое же значение могут иметь и наши монастырские праздники.

15. Нынешний соблазн о видимости сектантского благочестия

Конечно, не обрисовать всего, что нужно и полезно для приходской жизни, для успеха в ней веры Христовой. Ибо это все необъемлемо силами человеческими, как дело духа Божия, разнообразно и многосторонне. Но этой цели я и не имею в виду. Мое намерение — поделиться с пастырями Церкви Божией всем, что приходит на сердце как необходимое и многополезное по настоящему времени. Одно только всегда имею в виду и желаю всем другим вложить в сердце: нужно нам, отцы и братие, стоять впереди народа, чтобы руководить им, чтобы иметь в своем влиянии, чтобы не забрали его в свою власть враги Церкви и Христа, чтобы нам за это не быть в тяжком ответе перед Богом и перед людьми в истории. После бурного периода всяких переворотов теперь народ сильно ищет определенности, уравновешенности, ясного пути жизни, средств к разумному человеческому существованию на земле перед Богом. И находятся учителя, которые так или иначе уже вместо нас отвечают на народные запросы. И смотрите, многие достойные сожаления православные, омытые Пречистой Кровью Христовой, идут в погибель, прикрытую евангельской будто бы видимостью. Так и над нами исполняется грозное слово Господне к народу Израильскому: *два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды* ([Иер. 2:13](#)). А ведь эти-то водоемы имеют библейскую видимость. Ведь в сектантство соблазняют будто бы на основании Св. Библии — Слова Божия. А между тем у всякого ли пастыря и Библия-то есть? Вот и рассуди всякий сам со своею перед Богом совестью: не будешь ли ты виновен, что у тебя разумные овцы стада Христова ослабевают в благочестии, теряют веру, предаются пьянству, распутству, душегубству, уловляются в раскол и секту и т. п.? Сделал ли ты со своей стороны все, что нужно? Даже, узнал ли у других, что нужно для дела и что уже некоторым помогло даже и от-падших возвратить в Церковь? Уверен по себе, что никто не скажет, что он все со своей стороны сделал. А если так, то и будь внимателен и ищи случая воодушевиться на пастырство, умудриться в пастырствовании, найти совет и указание у более опытных людей, приложи все это к делу.

16. Священник-миссионер

Да не речет опять кто-либо после всего сказанного, что это все составляет преимущественно дело особых миссионеров. Нет, помимо того, что это было бы и на деле вовсе не осуществимо, так как миссионеры, как их много не будь, только наезжие и случайные для прихода люди. Если пастырство и по существу есть апостольство, то это следует сказать теперь более, чем когда-либо прежде, исключая времена начала веры в каждом народе. Теперь новое язычество в разных самых благовидных и культурных формах посягает на самые основы веры в Христа Спаса. Оно стремится заменить собою христианскую закваску жизни христианских народов. Для сего оно с особым расчетом покровительствует временно всякому иному исповеданию, всякому сектантству, всякой иной вере, только бы в России развалить господствующее Православие, а во Франции господствующее католичество, в уверенности, что после того ему со всеми иными верованиями и толками и считаться уже не придется: они сами исчезнут в своей внутренней бессмыслице. А посему и пастырям Церкви надлежит принять это к сведению и возложить на себя церковное послушание миссионерствования среди современных условий жизни в христианской стране. Поэтому нельзя благодушно выжидать, что приедет миссионер и своими беседами всех уговорит остаться в Православии. Нет, пусть всякий священник на месте сам постарается все прежде сделать для христианского просвещения пасомых, для наставления их на жизнь по Евангелию, для уврачевания ослабевших в исполнении христианского долга, для вразумления смущаемых и уклоняющихся от Церкви, а следовательно, и от Христа Жизнодавца. По истинной правде не должно бы быть существующего теперь такого порядка, что епархиальное начальство представляет к приходскому священнику на увещание заявивших о своем намерении уйти из Церкви в раскол или сектантство. Нет, пастырь сам должен знать всякую свою овцу, все меры принять и других прихожан привлечь к тому, чтобы смущаемые не уклонились от двора Христова. И только уже действительно, когда все его личные старания исчерпаны и оказались недостаточными, тогда просить помощи миссионера и епархиального начальства. Например, в случаях отпадения в раскол обычно говорят, что отпадают не православные, а те, что только числились в Церкви, а сами были раскольниками. Но что же доселе со своей стороны сделал для таких слабых священник? Какие со своей стороны принимал меры, чтобы такие люди не уклонялись от посещения богослужения, от исповеди и Причастия? Почему он доселе ни словом не сообщил епархиальному начальству о таком беспорядке в его приходе как о скорби своей пастырской? Конечно, отписаться на бумаге можно, но будет ли это по правде? Тем более не должно быть таких случаев, чтобы приезжий миссионер докладывал священнику, что у него в приходе появился сектант и смущает других. Нет, священник должен бодро следить за настроением в своем приходе и делать все, что есть в его силах и распоряжении для сохранения овец стада от волков, губящих их. А с недоумениями своими, или за советом, или с сообщениями о беспорядках или начавшемся новом движении в приходе пусть всякий священник спешит сообщить руководителям епархиальной миссии, чтобы получить от них указание и помощь. Только после того все спокойно предавать в руки Божии. Предавать же в руки Божии самому, мало соработничая Христу, нельзя, не извинительно, не разумно. Только *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы; яко, еже должны бехом сотворити, сотворихом* ([Лк. 17:10](#)).

17. Различные обнаружения церковности в деревне и в городе

Все доселе мною высказанное, разумеется, в своем виде выполнимо в деревне и в своем виде приложимо к городу. Пастырская осмотрительность подскажет городскому священнику, что и как можно осуществить в городских или посадских условиях жизни. Важно, чтобы приходской священник был во главе и впереди своей паствы, чтобы она не отделялась, не удалялась от него не только в своих прегрешениях, но даже и в самых лучших своих начинаниях. Пусть и городской пастырь явится хозяином и руководителем всей христианской жизни своей паствы. Нарочитую в этом отношении деятельность и он должен начинать, прежде всего, с тех христиан, которые не по имени таковы, которые сами льнут ко всему набожному и ищут, как бы лучше осуществить в своей жизни заветы Евангелия. С них, их объединения около приходского храма пусть и начинается он упорядочение и украшение богослужения и храма, благотворительность, трезвость и т. д. Пусть вначале это будет малая лишь дружина, но под руководством усердного и боящегося Бога пастыря и эта малая дружина сумеет воодушевить других, возвратит к Церкви и тех, которые уже почти или совсем отпали от нее. Важно, прежде всего, то, чтобы ярко и высоко была поставлена цель для дела, это — *приведение всех в соединение веры и познания Сына Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4:13)*, чтобы сие мудрствовало во всех, еже и во Христе Иисусе, так, чтобы Бог был действующий в христианах, и еже хотети, и еже деяти о благоволении (Флп. 2:5, 13), да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован (2 Тим. 3:17), чтобы исполнялось над всяким христианином слово Святого Апостола Иоанна Богослова: *и вы помазание имате от Святаго и весте вся (1 Ин. 2:20)*. Пусть в сердце всякого христианина нетленными буквами будут написаны следующие высокие слова Святого Апостола Павла: *Христос же за всех умре, да живущии не к тому себе живут, но умершему за них и воскресшему. Темже и мы отныне ни единого ведем по плоти; аще же и разумехом по плоти Христа, но ныне ктому не разумеем. Темже аще кто во Христе, нова тварь; древняя мимоидоша, се быша вся нова. Всяческая же от Бога, примирившаго нас Себе Иисус Христом и давшаго нам служение примирения; зане Бог бе во Христе мир примиряя Себе, не вменя им согрешений их и положив в нас слово примирения. По Христе убо молим, яко Богу молящу нами, молим по Христе: примиритесь с Богом. Не ведевшаго бо греха по нас грех сотвори, да мы будем правда Божия о Нем (2 Кор. 5:15-21)*. Пусть эти же слова святого Апостола Павла будут путеводной звездой и для самого пастыря, проходящего именно служение примирения людей с Богом, приведения снова всех к Богу, всех отпадших от Него, *еда како даст им Бог покаяние в разум истины, и возникнут от диавольския сети, живи уловени от него в свою его волю (2 Тим. 2:25-26)*.

18. Евангелие Христово должно быть закваской всей жизни по нему

Как видим, по существу своему церковная жизнь совершенно противоположна жизни мира. Как церковная жизнь, так и церковная деятельность есть строение духовного царства совести и правды. В тех же самых условиях, в которых проходит вся жизнь мирская, по завету Христа Спаса нужно устраивать порядки царства чистоты, любви и праведности высокой. И Сам Он — Господь наш и Учитель — среди мира жил и действовал и Свое Царство Божие уподоблял закваске, вложенной в смешение муки с водой. Так и должно быть, чтобы начала жизни по духу Евангелия заквасили все смещения жизни человеческой, претворивши ее из богопротивной в богопреданную. Недостатком именно этого часто объясняется и зарождение разных сект. Начало их всегда почти полагают люди, ищущие именно религии совести, то есть веры, оправдываемой в жизни верующих. Правда, потом это протестующее против сложившегося уклада настроение почти всегда сбивается с дороги и вырождается в полное сектантство. Но все-таки вина того есть и в сокрытии под спудом света, светло сияющего в жизни Церкви и в отдельных высоких носителях Духа Христова. Так свеча остается под спудом, а ходящие в темноте естественно бранят хозяев за сокрытие света и как бы ненависть к нему. И откроем эту свечу, поставим ее на высоком *свещнице*, да *светит всем, иже в храме* Дома Божия *суть* ([Мф. 5:15](#)). Пусть *свет Христов просвещает* всякого человека, грядущего в мир, всякий уголок и отрасль жизни этого мира. Пусть учителя Царствия Божия проникают во все области именно как носители духа Евангельского, чуждого обычно-житейского духа. Тогда внешнее все будет управляться внутренним, не внешним каким-либо правом, а внутренней правдой, которую нельзя обойти, как обходят всякое внешнее право, когда то бывает нужно. Делом следует явить всему внешнему для Церкви миру, что все чаяния и искания лучших людей мира сего — искания правды жизни исполнимы только в Церкви, как носительнице вверенной ей от Христа жизни новой евангельской. Пусть на самом церковном деле, охватившем силой своей все отправления жизни мира, пусть на этом все увидят, что искомое ими есть именно у нас — в евангельском духе чистоты, любви и правды, что, попросту говоря, они ищут на стороне, как идеального и высокого, тех самых рукавиц, которые у нас и у них за поясом, ибо все то доброе, что влекло их по дебрям неведомых исканий, к сожалению часто доводя их до ненормальностей, они могли бы получить от Церкви, от христианства, от Евангелия, которое не желает допустить, чтобы могло существовать что-либо из созданного Богом доброго, не находящегося у Него; *все, еже дает Мне Отец, ко Мне приидет* ([Ин. 6:37](#)).

19. Оцерковление жизни во всех ее отправлениях

Поэтому-то, опять повторяю, теперь священство есть вместе с тем и апостольство. Теперь пастырю настало долг не только поддерживать ревность о душевном спасении в пасомых, но и внедрять таковую в сердца и многих христиан вместо прежнего окаменения. Он обязан на деле, в самой жизни, воцерковить тех, которые отлучаются от Христа часто по полному неведению Его, ими же всюду искомого. Из таких современных пастырь обязан приобретать новых деятельных сынов Христу, сея в их сердца семя евангельского учения. Понятно, что для этого требуется много труда и высокие полномочия. Поэтому-то святой Апостол Павел даже своему ученику святому Апостолу Тимофею настоятельно воспоминает: *возгревати дар Божий, живущий в нем возложением руки его* — Павла ([2 Тим. 1:6](#)). Да возгревает и всякий пастырь Церкви сей дар благодати священничества, молитвенно в смирении поставляя себя пред Первоархиреем Христом. Пусть и его, как Моисея голос из тернового куста некогда, сознание и чувство неотложно от Бога возложенной и им добровольно воспринятой обязанности *пасти Церковь Господа и Бога* ([Деян. 20:28](#)) подвигнет бороться с целой вселенной, в слепоте восстающей на своего Создателя и Вседержителя. Вместе с тем, пастырь Церкви пусть смиренно сознает себя лишь ратником, воином великого воинства, одним из многих носителей и выразителей не своей, но Божи-ей силы, победоносно исполняющей чрез неодолимую адскими врагами Церковь спасительные предначертания Божественного Промысла — домостроительства спасения. Ходя и работая в этом настроении, пусть пастырь Церкви пребывает бодрым, уверенный, что и после его кончины не перестанет действовать та сила, одним из носителей которой и он является во времени, — сила Церкви с живущим в ней Христом, по неложному Его обетованию в Евангелии. Овец Моих, сказал Господь в Евангелии, *не восхитит никтоже от руки Моея. Отец Мой, Иже даде Мне, болих всех есть, и никтоже может восхитити их от руки Отца Моего* ([Ин. 10:28-29](#)). Пусть во имя Христово и пастырь пребывает уверенным, что стадо, пасомое и охраняемое им от врагов, есть стадо не его собственное, но то же стадо Христово, которое в Нем и в Отце Его имеет свою охрану и чрез то дает и земному пастырю дерзновенную надежду на победоносный исход духовной борьбы. Это-то именно и делает способным пастыря Церкви спострадать и сраспинаться своей пастве. Ибо как у отдельного христианина, так и у всего общества церковного одна забота и цель — это духовное постепенное возрождение в одном цельном и вполне определенном настроении, вмещающем в себя всю сущность евангельского закона. С положительной стороны это есть постепенно проясняющееся предвкушение Царства Небесного — общения с Богом и ближними в любви, ибо Царствие Божие есть *праведность и мир и радость во Святом Духе* ([Рим. 14:17](#)). А с отрицательной стороны жизнь христианского подвижника есть скорбь о своей греховности, борьба с нею и постепенная духовная победа над ней. Вот в этом великом и неустанном деле пастырь Церкви и является сострадающим своей пастве, сраспинающимся ей против греха во имя Христово, ибо духовное возрождение, как и телесное рождение, болезненно и трудно. В этом задача его пастырской деятельности, для этого он нужен пастве и всякому отдельному христианину, уподобляясь великому святому Апостолу Павлу, сказавшему своим ученикам: *дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос* ([Гал. 4:19](#)).

20. Благодатная почва для Евангелия в духе русского народа

Для такого пастырствования в нашей Русской Православной стране почва более благодатная, чем где-либо. Природная глубокая богобоязливость Русского народа, его покорность Божественному Промыслению как самому действительному закону жизни, его скромность и смиренномудрие, чуждое всякого высокомерия, внушаемого со стороны, его несравненная горячая жажда веры и духовного набожного утешения, его умиленное искание подвига и труда Господа ради и чтобы «душеньку спасти», его жалостливость к несчастным, забывающая личные невзгоды и трудности жизни, его задушевность в общении со всяким и чужим человеком, как с родным братом, именно от утонченного сознания святого братства всех во Христе, его богомольность и духовное сокрушение сердечное — все это такое богатство, которое само бросается в глаза всякому непредубежденному наблюдателю. Это-то духовное наше богатство и надлежит нам изнести блистательно на свет Божий, чтобы не воспользовались им другие. Недаром лучшие люди и лучшие писатели заграницы с упованием засматриваются на русский народ, от него именно ожидая проявления жизненного света Христова во всей его светлости, давно уже утраченного инославными народами, идущими, так сказать, лишь по трафарету христианства, силы же его не имеющими и не могущими найти снова ([2 Тим. 3:5](#)). Да, без вредной гордости, но с радостным и твердым упованием мы можем и должны сказать, что обладаем истинным светом жизни, который есть чистая, непорочная наша Святая Православная вера Христова как Евангелие Царствия. Припоминается по этому поводу рассказ в сочинениях Преосвященного Харьковского архиепископа Антония: «Мы стояли с католическим ксендзом невдали от одного знаменитого южнорусского монастыря; гудел тысячепудовый колокол, и пестрая тысячная разнокалиберная толпа представителей всей сотни русских губерний дружно потянулась из гостиниц в прекрасный собор на вершину живописнейшей горы. Мы говорили что-то о польском вопросе, причем ксендз, вопреки обычаю, разоткровенничался в своих суждениях о России. «Ну посмотрите, посмотрите! — вскричал он, указывая на открывшуюся грандиозную картину. — Если бы да нам эти лавры и соборы, что имеют дурни-москалы, то мы взяли бы всю вашу Русь и увели бы, как Моисей Израиля, куда бы только захотели. Мы бы унесли ее на небо, как на орлиных крыльях, а вы сидите сложа руки, как сидели прежде, и будете сидеть, пока штунда и раскол не оберет вас до последнего человека». (2-й том, с. 414—415) Да, стоит над чем задуматься по поводу приведенных слов постороннего нам наблюдателя. И эту воистину Святую Русь уже не расхищают ли на наших глазах всякие в овечьей шкуре, прикидывающиеся носителями евангельского духа, силы же его отметшиися? Восстанем на них силой этого самого Евангелия Христова и поведем ко Христу Спасу наш народ верующий, богопреданный и любящий Христа Иисуса Сладчайшего.

Помните, отцы и братие, что как прошло и исчезло религиозное смятение последних лет, заменившись сильным религиозным воодушевлением народным за самое последнее время на наших глазах, так по времени уляжется и оно, это религиозное воодушевление, и уляжется в спокойную жизнь. Тогда в жизни самой будет проявляться то, что нажили люди за время особенно повышенного их духовного состояния. Вот тогда-то, при более спокойном течении религиозной жизни, пусть народ наш окажется в Церкви Святой Православной, как уже насыщенный именно нами, служителями ее от Христовой непорочной веры Евангельской. Пусть они, как подобает здоровому уравновешенному человеку, пьют воду чистую и живую из водоемов неразбитых — от Церкви Святой, как привыкшие от нее лишь получать себе всякое назидание и руководство. Пусть они не окажутся тогда в числе отделяющихся от Церкви

сектантов, именующих себя евангеликами, а появившихся всего только полусотню лет тому назад. Пусть ради нашего невнимания и неответа на их душевные теперь запросы, пусть тогда они не окажутся уже привыкшими к сектантским собраниям, как услаждавшим в свое время их слух и утешавшим сердце мятущееся. Да не будет того, чтобы кто прельстил их не покориться истине. А для сего да преднаписан будет пред очима их Иисус Христос — в нас и в них распят ([Гал. 3:1](#)).

21. Пастырские посещения домов прихожан

При прочтении этого заголовка многие, вероятно, с недоумением скажут или подумают: да есть ли когда нам делать это? У нас теперь так много всяких требований от вас — и немедленных и обязательных и экстренных, что только успеть бы отписаться. Да и приходы наши разбросаны, сколько времени нужно на разъезды, лошадь не у всякого есть своя.

Конечно, отчасти это все и справедливо. Но, говоря по совести-то, ведь находится же время и в гости к кому-либо сходить, да и нередко, а в праздник-то непременно: успевают и к соседу съездить, побывать да время провести разнообразно. И, конечно, там в гостях-то вовсе мало бывает бесед и дел чисто пастырских. Напротив, там именно это-то вовсе и забывается, там спешат забыться от своей обычной работы, всю ее часто полагая в требоисправлениях и бумажной отписке туда-сюда.

Вот хотя бы всего только это время и употребить на посещение домов прихожан. Это ведь тоже было бы своего рода хождение в гости. Ибо кто же не рад будет принять к себе такого дорогого гостя, как батюшка?! Да и кроме того: поехал батюшка в какую-либо деревню с требой, вот и воспользоваться бы сим случаем — зайти там в один-другой дом, да и побеседовать с остающимися дома православными, расспросить их о житейских делах, незаметно перейти отсюда и к делам душевным. И как рады были бы православные таким посещениям батюшки! Я не могу поверить нареканиям самого духовенства на себя, что прихожане будто бы сторонятся священника, который-де за всякое свое посещение только и знает пятаки собирать. Но даже если и унизились мы до этого, то и следа не осталось бы от таких опасений, если бы сам народ на деле увидел, что священник не только за требами для собирания пятак ходит по домам.

По сходству с сим расскажу о своих посещениях домов христиан, когда приводил мне Господь в Японии сотрудничать в миссионерстве покойному славному Апостолу нашего времени архиепископу Николаю (умер 3 февраля 1912 г.). У меня там был такой порядок заведен. В будни ежедневно с 5 часов вечера я ходил по домам христиан. Вечером обычно уже сравнительно все свободны от занятий житейских. Сначала, конечно, знакомлюсь со всеми в семье. Узнаю, когда и при каких обстоятельствах и где приняли христианство, от кого, когда дети крещены, если не коренные жители, то почему сюда переселились, как там жили, как там веру соблюдали, как здесь исправны в хождении в церковь, в исполнении христианского долга. Из разговоров выясняется постепенно подробная картина и семейного, и хозяйственного положения посещаемого дома, их благочестие, их твердость в вере... И вот среди обычного простого угощения чаем и начинается, и продолжается пастырская беседа, начавшись иногда совершенно обычной беседой о предметах житейских. Тут и высказываешь слушателям и назидание, и ободрение, и обличение, и вразумление, и радость, и угрозы. Тут расскажешь и о жизни первых христиан, о Святых и о молитве. Тут побеседуешь и о вере, проверишь и знание молитв, научишь и христианским обычаям в жизни... Незаметно идет такая беседа. И сам, и слушатели заняты ею душевно. Бывает, что и поплачут при обличениях. Бывает, что и сам с ними и за них поплачешь и посетуешь. И как благодарны за такие посещения христиане! Смотря по обстоятельствам, вечером часов до 9—10 и побываешь в трех-четыре домах, разбросанных по разным концам города среди подавляющего господства языческого населения. Без сердечной отрады не могу вспоминать эти чудные хождения по домам христиан. Только такими хождениями я постепенно нашел затерявшихся в громадном городе Осака христиан, узнал их состояние, собрал около церкви и воодушевил на общую работу для успеха проповеди

о спасении всех во Христе. Не более десяти душ собралось в церковь сначала, а потом число их все увеличивалось, постепенно заполнивши всю церковь. Вместо одного псаломщика, на клиросе с удовольствием распевали мужчины и женщины большим хором, находя время и для спевок среди обычного японского трудолюбия и при непризнании в Японии наших православных праздников.

Вот такой опыт и приложить бы хоть в некоторой степени к нашим приходам, хотя бы только в праздничные дни. И сколько несравнимого ни с чем духовного утешения было бы у всякого пастыря от таких посещений! Да при обычной нашей народной общительности для сего не потребовалось бы и ходить отдельно по домам: только бы узнали православные, что батюшка пришел к тому-то и беседует, что можно и другим там побывать, — полна изба людей! И польется беседа рекой, беседа самая душевная, откровенная, как перед Богом. Тут все выскажут, все свои скорби поведают, обо всем спросят. И таким простым порядком весь приход у пастыря в сердце и на руках будет.

Для той же цели нужно пользоваться и всяким посещением домов с требами, и особенно с постной молитвой. Покойный священник родного моего села обыкновенно, ходя по домам, например, на святках, на Святой, между прочим попросту ребятишек выпросит: знают ли молитвы, у молодежи допросит, почему редко в церкви бывают и прочее, и тут же всем потечески, а иногда и строгонько, и выговор сделает. И пользовался этот священник уважением от прихожан, к нему за советом ходили во всех, особенно важных, случаях жизни и личной, и семейной. И сим примером следует воспользоваться для целей пастырства. Да и нетрудно это. И многое худое исчезает из жизни христиан.

22. Научение обрядам и обычаям церковным

В четвертом письме было сказано, что в последнее время народ будто разучивается строго держать и исполнять церковные обряды и обычаи. Говорить много о важности такого дела не приходится. Строгость и стройность содержания и исполнения церковных обрядов и обычаев объединяет всех повсюду православных христиан. Ибо во всех обрядах при всей их внешности содержится глубокий догматический и нравственный смысл, который и некнижным делается через это понятен и некнижных делает осмысленными в христианском уповании. Поэтому и небрежное, неправильное и невнимательное исполнение церковных обрядов и обычаев равносильно тому, как если бы неправильно читать, излагать и толковать письменно изложенное христианское упование о спасении. Что же после этого и говорить о том, как крайне неблагоговейно неправильное или небрежное исполнение обрядов и обычаев церковных?!

Доброе старое время все это прекрасно понимало и содержало. Поэтому тогда и пастыри, и родители одинаково заботились о научении детей всем церковным обрядам и обычаям. Вместе с развитием сознания у ребенка уже учат его правильному изображению крестного знамения, потом простейшим молитвам, а вместе и другим обычаям. Дети видят сызмальства, как взрослые, входя в дом, первоначально трижды помолются перед образами, конечно снявши шапку, а потом уже здороваются по-доброму со всеми в доме и по приглашению старших садятся к столу беседовать. Видят дети, как утром и вечером старшие исправно молятся перед образами, а на праздники и лампадку перед ними засвечивают. Видят, как старшие и дома, и на улице приветствуют священника, при первой же возможности спеша принять от него Божие благословение. Видят, как старшие у церкви или у иных священных мест творят крестное знамение, а проходящих почтительно и ласково приветствуют. Видят, как взрослые перед всяким делом прежде помолются или, по крайней мере, перекрестятся. Видят все это дети и сами на примере взрослых научаются делать то же. Так из рода в род передавалась эта святая истовость и чинность в народе, исполнявшая особым духом благоговения всю жизнь народную, создававшая в нем святую набожность, чуткое хождение перед Вездеприсущим Богом. Путем такой обрядовой истовости и самое настроение души народной получало тот благодатный дух, за который по справедливости народ Русский назван богоносным, а вся страна наша — Русью Святой, привлекавшей к себе удивленное, но невольного благоговения исполненное внимание иноземцев.

И все это было делом духовных руководителей народа — священников, ставивших свою священную обязанностью — научить свою духовную паству всему церковному поведению, пользовавшихся для сего научения всяким временем и случаем. Теперь же родители, как показывает наблюдение, и сами редко соблюдают церковные обряды и обычаи, и тем более не приучают к ним детей своих. А это, несомненно, потому, что и пастыри о том не учат взрослых, не внушают им такую святую заботу о научении детей и, мало того, вовсе не следят за тем, как взрослые-то исполняют все указанное.

Очевидно, отцам духовным и нужно взять на свое попечение это святое дело. Кроме проповеди с церковной кафедры при всяком удобном случае следует внушать важность и необходимость соблюдения тех или иных церковных обрядов и обычаев, а равно и приучать к тому и детей: какой труд при связанной с тем или другим праздником службе соблюсти, как православные подходят ко Кресту, как крестятся, принимают благословение у священника. Тут же и сделать соответствующее научение, попутно выпросивши и молитвы у детей, да и у молодежи, последнюю укоривши за незнание молитв и прочее и угрозивши недопущением к

кумовству при крещении детей и даже к совершению брака. Знаю приходы, где умелым и настойчивым трудом священники добились, что последняя угроза имела самые благие последствия.

Упразднился, кажется, везде добрый обычай — благословляться весной при начатии полевых работ. И, может быть, не потому ли, что теперь редко кто из духовенства занимается полевыми работами, все дальше уходя от народа и с этой стороны, а вместе с тем таким путем все больше теряя нравственное влияние на народ. А, между тем, как бы было хорошо подсказать умело прихожанам святость такого дела; только бы увидали в истовом совершении молебна над полями и душу молящуюся, возблагодарят щедрее даже, чем по предварительному уговору. Смотрите, с каким усердием и благоговением несет народ свои сбережения в обители, где он видит внимание к себе и истовое богомоление, но сим богомолением на полях как благодарно может воспользоваться священник для воодушевления народа на набожное поведение перед Великим Богом, в природе раскрывающимся!

А как плодотворно можно бы воспользоваться для всякого научения на благочестие временем исповеди! Дожидаясь очереди исповеди, сидят обычно православные тут же в церкви и от скуки занимаются часто вовсе не полезными разговорами, а ребята тут же и шалостями занимают время. Тут пусть и выступают по поручению священника младшие члены клира: они читают с народом молитвы и заучивают их, учатся церковному простому пению, читают жития Святых, Пролог и подобное. Можно даже катехизацию вести, хотя бы по книжкам. Тут же хорошо рассказывать и вычитывать о том, как детей воспитывать, приучать их к молитве и ко всякому церковному поведению. Тут же с имеющими вступить в наступающем году в брак можно и об этом побеседовать, научивши их необходимым христианским молитвам.

Так все это просто, а между тем так это все плодотворно может быть использовано при желании и усердии. И достоверно знаю, что есть много таких священников, которые с успехом все это давно и к делу прилагают. И процветает у них приходская жизнь и деятельность. Там при наученности прихожан всему — духовность, и сестричества, и братства, и трезвость, и благотворительность, и просвещение... И все усердием священника около храма и под сенью храма, милостью Божией! Да будет сие всюду во славу Божию и во спасение душ людских!

23. Тайна христианского благочестия — воодушевление пастыря Церкви

Святочное приветствие духовенству Пермской епархии

Отцы и братья! Все мы хорошо научились знать всю спасительную важность Рождественных Христа Спаса праздников. Ибо бесспорно — великая благочестия тайна, что Бог явился во плоти. Великий Бог, от века промышляющий о своем создании — человеке, помогавший ему побеждать злокозненного древнего врага человеческого спасения — диавола, — Сей Великий Бог Сам напоследок времен явился человеком среди людей, чтобы и Самому принять на Себя все злостное восстание диавола на естество человеческое.

Правда, когда совершилось это великое чудо снисхождения Бога к людям, то почти одна только неразумная природа ответствовала своим пристальным и благоговейным вниманием. Именно неодушевленная природа устремила свой взор яркой и необычной звездой с востока, животные теплым дыханием волон и онов согревали от зимнего холода Тело рожденного Богомладенца Иисуса, Которому не нашлось места среди людей. Род же человеческий пребывал в обычном усыплении духа и не заметил того, что заметила природа. И только немногие души скромных пастырей да богомудрых волхвов смирились перед снисшедшим к людям Богом и припали к Его яслям.

Но прошло время и времена, и мир преклонился перед Богочеловеком Иисусом Христом. И теперь славит из года в год это обнищание Бога. Для христианина дороги и любезны ясли Христа, вертеп скотский, где Он возлег, брошенный целым миром. Теперь из года в год все мы радуемся и торжествуем Рождество Христа Спаса, святые дни. И приветствуем друг друга с праздником, радуясь тому, что мы христиане, что ради нас Сын Божий сделался Сыном Девы Марии, нам всем своим Человеком. Ибо веруем несомненно, что через Него и мы Своими сделали Богу, как говорит святой Апостол Павел: твердое основание Божие стоит, имея печать сию: познал Господь Своих. Но твердо знаем, по тому же Апостолу, и для чего это произошло: *да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа (2 Тим. 2:19)*.

Так в празднике Рождества Христова мы празднуем и торжествуем свою собственную свободу духовного приближения к Богу — Творцу. Мы знаем теперь, что Бог не только наш Творец, далекий от нас и гневающийся на нас за наше богоотступничество. Нет, Он близок к нам. Он любит нас до величайшего снисхождения к нам Сына Его Единородного. Мы видели и познали эту Божественную спасительную любовь Его к нам и веруем, что только в ней, в приближении к Богу и наше спасение от того зла, которое нас всюду окружает. Это вражеское зло всюду нас соблазняет, искушает и ставит нам препятствия на пути к Богу. Темная сила вражеская всюду нас преследует своими чарами. Но все это только попутное, а не подлинная жизнь и блаженство человека. Посему мы все это теперь ни во что вменяем ради превосходства познания Христа Иисуса Господа нашего, чтобы приобрести Его (*Флп. 3:8*).

И совершилось, и совершается, и будет совершаться это величайшее чудо возрождения и обожения человеческого естества верой во Христа. Началось оно мученичеством и продолжается всем христианским подвижничеством в разных его проявлениях. Оно в той святости духа человеческого, до которой доходили и доходят свободным подвигом верующие в Христа Сына Божия вочеловечившегося. Это торжество не только Христа в людях над диаволом и всей силой темной, нет, это торжество и победа самого человека над темной силой и самим сатаной — князем мира сего. Христос, победивший его на Кресте Своею смертью, теперь побеждает его, сатану, в самую голову подвигом верующих в Него, во Христа. Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия победа, победившая мир, есть вера наша. Так мы веруем, и, веруя, эту самую свою веру мы и торжествуем и празднуем в святые дни

Рождественных Спаса праздников.

Возлюбленные о Господе отцы и братие! Исполнимся сами такой нашей верой во Христа, чтобы, ею дыша и ею водясь в жизни, и других всех наших пасомых ею приводить ко Христу, для всякой человеческой души и в мир сей на диавола пришедшему. Да будет сия вера святая дыханием нашего духа, смыслом нашей жизни, воодушевляющим началом в нашем пастырствовании. Да бежит далеко-далеко к самому диаволу все несовместимое с этой верой, все унижающее ее, а через это оскверняющее и наше христианское и пастырское призвание. Об этом напоминает нам всякий год праздник Рождества Христова, обновляя тем в нашем сознании нашу спасительную веру. Но сия вера и сие воодушевление верой в Бога, во плоти явившегося, да будет нашим постоянным воодушевлением, с которым мы проходили бы победоносно мимо всех соблазнов темной силы по пути до Самого Господа.

И как бы был близок к нам Христос Господь, если бы все пастыри Церкви были проникнуты такой святой заботой. Как бы преуспевало дело Христово в нас и в людях, если бы все работники на ниве церковной, благоговей перед своим пастырским спасительным служением, взаимно охраняли друг друга от всех соблазнов силы темной, братски отводили бы от ее сетей. Если же кто не послушает слова, того, по Апостолу, имели бы на замечании и не сообщались бы с ним, чтобы устыдить его ([2 Сол. 3:14](#)). Ибо при виде всего не созидającego дела спасения пасомых плакать надлежит всем нам, дабы изъят был из среды нас соделавший такое дело, которое унижает нашу веру и отвращает людей от Бога ([1 Кор. 5:2](#)). Почему и советует Апостол словом Писания: *извергните развращенного из среды вас* ([1 Кор. 5:13](#)).

Да не будет нужды всем, но да будет общей всех святой заботой, чтобы без взаимного преткновения *единодушно, едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа* ([Рим. 15:6](#)), чтобы никто не желал хвалиться, разве только Крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для нас мир распят и мы для мира, чтобы всем нам, которые поступаем по сему правилу, был мир и милость ([Гал. 6:14-16](#)). О сем самом главном будем всякой молитвой и прошением молиться во всякое время духом; и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых и о мне, дабы мне дано было слово устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования, дабы я смело проповедовал, как мне должно ([Еф. 6:18-20](#)).

Пермь. 12 декабря 1914 года, день святителя Спиридона, епископа Тримифунтского

24. Заключение

В одном месте своей «Христианской науки» блаженный Августин говорит: «Пять только хлебов было у Апостолов; но когда их стали раздавать во имя любви голодным, то остатков собрали двенадцать корзин; поэтому буду и я делиться малым запасом своей духовной опытности, чтобы тем умножить любовь и самый ее запас». Этими словами блаженного Августина руководился и я в своих кончающихся теперь письмах о бодренном нашем общем соработничестве Христу, Великому Первоархиерею и Спасителю. «Аще что не допи-сах», покройте то своею любовью и дополните своею опытностью, а все примите к сердцу и возгрейте в нем тот дар священничества, который все мы — пастыри Христовой Церкви — получаем преизобильно от Раздаятеля всяких благ. Да не будет он в ком-либо из нас яко свеча под спудом, но да светит всем, иже в храмине суть ([Мф. 5:15](#)). Да дерзаем мы в свое время сказать вместе со Святым Апостолом Павлом ко всем своим христианам: *послание бо наше вы есте, написаное в сердцах наших, знаемое и прочитаемое от всех человек; являеми, яко есте послание Христово служеное нами, написано не чернилом, но Духом Бога Жива, не на скрижалех каменных, но на скрижалех сердца плотяных. Надеяние же таково имамы Христом к Богу, не тако довольни есмы от себе помысли-ти что, яко от себе, но доволство наше от Бога, Иже и удоволи нас служители быти Нову Завету, ни писмени, но духу: писма бо убивает, а дух животворит... Имуще убо таково упование, многим дерзновением действуем... Господь же Дух есть; а идеже Дух Господень, ту свобода. Мы же вси откровенным лицом славу Господню взирающе, в тойже образ преобразуемся от славы в славу, якоже от Господня Духа ([2 Кор. 3:2-6, 12, 17-18](#)). Сею свободою духа о Господе действовали все до нас бывшие церковные праведники труженики — Угодники Господни, к Нему дерзновенно возлетавшие в своих созерцаниях и других к Нему же поднимавшие на крыльях своей высокой христианской свободы духа. Им и последуем в своем церковном делании; да с ними прославимся от Господа и вместе с трудолюбным рабом притчи услышим радостный глас Господень: *добре, рабе благий и верный: о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего* ([Мф. 25:21](#)). Аминь.*

Примечания

1915 г. Примечание. На докладе Пермской духовной Консистории, от 4 сего декабря за № 1178, по вопросу об открытии при одной из церквей Пермской епархии общества ревнителей чистоты и опрятности храма и любителей церковного пения, по прилагаемому проекту устава, резолюция Его Преосвященства Преосвященнейшего АНДРОНИКА, епископа Пермского и Соликамского от 4 сего же декабря за № 9710 последовала такая: «Представленный устав утверждается, но общество ревнителей назвать «Сестричеством» ревнительниц. В исправленном виде устав припечатать в «Епархиальных Ведомостях» с пропуском пунктиром слов, касающихся данного «Сестричества» — как примерным. Подобные «Сестричества» весьма важны и желательны во всех приходах. Они будут содействовать укреплению в приходе веры и любви к Церкви и богослужению, насадят добрые нравы среди прихожанок, а через них и в их семьях, облагодетельствуют храм Божий, сократят и многие хозяйственные расходы по церквам. Лучше бы в главе таких «Сестриществ» встать женам священноцерковнослужителей, учительницам, чтобы около себя собирать всех лучших среди прихожан, а через них вносить все доброе и благочестивое и во весь приход. Во всяком приходе таких ревнителей найдется множество, но, не объединенные, они не знают, к чему и как приложить свои силы и усердие. Позаботьтесь же, отцы, братие и сестры, об учреждении по приходам таких «Сестриществ», хотя бы по данному уставу. И из малого сделайте постепенно великое дело поднятия религиозности, благочестия, добронравия, благородства, трезвости, благоприличия в приходе. Воодушевляйте сестер и поставляйте им в заботу привлечь каждой хоть одну сестру в «Сестричество», как добрую жертву Богу и Его храму. И таким путем одна за другой в «Сестричество» войдут все женщины и девицы прихода, и для всех достанет самого живого и святого.»